

В.Е. Добровольская

Родильно-крестильный обряд и обряды первого года жизни

Родильный обряд в силу изменений в социальной жизни региона сохранился в Гороховце отрывочно. Несмотря на фрагментарность, можно выделить определенные этапы родильно-крестильной обрядности. Это предродовой период, собственно роды, послеродовой период, крестины, обряды первого года жизни ребенка. Безусловно, в силу целого ряда причин не все эти периоды представлены в наших записях равноценным материалом.

Предродовой

Предродовой период соотносится в традиции Гороховецкого края лишь с приметами, по которым определяли пол ребенка, а также с суеверными представлениями, связанными с ожиданием младенца.

Так, чтобы определить пол ребенка, совершали следующее действие: *«Чтобы узнать, кто родится у роженицы, женщину сажали на пол, потом велели подняться. Когда она вставала, смотрели, на какую руку она опиралась. Если на правую — сын, на левую — дочь»* [13 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]. Пол ребенка определяли и по форме живота роженицы: *«Смотрели по животу. Если живот шишом выпирает вперед, родится дочь. Если живот в боках — сын»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]; *«У беременной женщины живот шишом — мальчик, по бокам — девочка»* [92 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 9].

Необходимо отметить, что еще на свадьбе совершался ряд магических действий, призванных обеспечить ребенку привлекательную внешность. Так, молодых угощали молоком с ягодами и углем, чтобы дети были румяными и черноглазыми: *«Вот когда приезжают после венца, молодым сразу наливают молока. А в молоко кидали угли, чтобы дети были черноглазыми»* [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Родовой

Роды в Гороховецком крае сопровождались большим числом обрядовых действий. Еще в начале XX в. в некоторых деревнях Гороховецкого уезда был зафиксирован обычай во время родов ставить *«у бани высокий шест, либо выставлять родильную рубашку; родственники и соседи по этим знакам навещают в бане больную и приносят гостинцы: белый хлеб, овощ и прочее»*¹.

¹ Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Вып. 3—4. С. 171.

Наши исполнители говорили о том, что роды чаще всего проходили в бане: *«Как бабе родить надо — ее в баню ведут, и там уж она родит»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Наиболее пожилые исполнительницы вспомнили, что родня приходила в баню и приносила роженице угощение, но о шесте как об опознавательном знаке не вспомнил никто: *«Как бабу в баню отведут, к ней родня начинает ходить, подарки носит, что-нибудь вкусное»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Когда у роженицы начинались схватки, повивальная бабка принималась расчесывать ей волосы. Считалось, что так роды пройдут легче: *«Вот как роды начались, бабушка у ней волосы расчесет, чтоб, значит, ни одного узелка не было, если хоть один узелок будет — родить трудно»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Чтобы облегчить роды, повитуха просила отца ребенка открыть все двери в доме, а иногда и во всем хозяйстве: *«Когда баба родит, повитушка просит отца все двери в доме открыть, а если роды тяжелые, то во всем хозяйстве открывают: и курятник, и хлев, и все ящики в комоды бывало выдвинут»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Существовали и профессиональные приемы облегчения родов, которыми владели только повитухи. Так как институт повитушества отошел в прошлое, нам удалось записать только один заговор на облегчение родов: *«Вот когда баба родить не может, говорят: "Пойду, помолясь, выйду, перекрестясь, на широкий двор, в чисто поле, на морекиян. Как на морекияне стоит бел-горюч камень Латырь. На бел-горюч камне Латыре сидит Мать Пресвятая Богородица. Помолюсь-поклонюся Матери Пресвятой Богородице: "Матушка Пресвятая Богородица, сыми с серебряна пояса златы ключи, отпри ворота костяны, выпусти на свет Божий младеню. Будьте мои слова крепки. Аминь"»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Если ребенок не кричал после рождения, его могли шлепнуть или подержать над дымом, чтобы вызвать крик или чихание: *«Вот зажигали крашенину. Вот дымит она крашенинка-то. И вот она водит ребенка над этим дымком. Вот зачихал»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]; *«Если ребеночек не кричит при рождении, его легонько стукали»* [92 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 9].

Считалось, что судьба ребенка определена заранее и изменить ее нельзя: *«Ребенок родился — ему уже Бог назначил жизнь во чреве матери, как ему прожить: или до глубокой старости, или он появится на свет, не открывши глаза, или ему удавиться, или в огне сгореть. На все воля Божья»* [92 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 9].

Если у женщины рождались дети одного пола, а она хотела другого, то сразу после родов необходимо было завернуть послед в одежду, принадлежащую мужчине, для того чтобы родился мальчик, и наоборот: *«У меня сестра была, вот она родила всех мальчишек. Вот чо делать-то. Вот там говорили, что там место завертывают в мужское, в мужскую одежду. Если девочку хотят — в женскую, а мальчика — в мужскую. Вот и завернула, и девочку родила»* [59 — 3: ЦРФ — 1029].

Послеродовой

Послеродовой период включал в себя действия очистительного характера. К сожалению, нами не зафиксировано никаких очистительных обрядов, за исключением упоминания о том, что через шесть недель роженица обязана взять в церкви очистительную молитву. Лишь некоторые исполнители вспомнили об обычае одаривать после родов повитуху: *«Повитухе после родов дарили платок или отрез на кофту, а то и на платье, смотря по достатку хозяев»* [92 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 9].

Крестины

Крестильный обряд не сохранил богатой обрядовой семантики. Помнят, что выбирали крестную и крестного из родни или друзей, стараясь подгадать, чтобы крестная не была беременна: *«Крестной беременной быть нельзя, если она беременна, то она для своего младенца у крестника всю силу возьмет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В церкви старались заметить, поплывут или утонут волосы младенца, брошенные священником в купель. Если волосы тонули, то считалось, что младенец скоро умрет: *«Если волосики тонут — худо, помрет младенец, не жилец он. А если плывут — долго жить будет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Обряды первого года

Обряды, связанные с первым годом жизни ребенка, затрагивают в основном сферу здоровья ребенка и отлучение его от груди.

Лечение крика

Если ребенок много кричал, нужно было совершить следующее магическое действие: *«Закрываешь крючок на двери и говоришь: "Крюк, крюк, возьми моего младенца крик". Три раза»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7].

Иногда, чтобы ребенок не кричал, могли совершить ритуальное отдавание младенца нищим. Считалось, что если подать ребенка в окно как милостыню, все болезни младенца прекратятся, так как их заберет нищий: *«Если очень кричит младенец, ждут, когда кто под окно просить придет. Вот придет нищий, а ему в окно ребенка подадут: "Возьми Христа ради!" Три раза так дают. Все говорили, нищий крик заберет. Так, когда болел, тоже делали — болезни нищему отдавали, а ребенок здоров»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Лечение щекотунов

Если ребенка мучили щекотуны, черные волосики на плечах и спине младенца, то их выкатывали с помощью дрожжей, замешанных на грудном молоке: *«Брали вот женское молоко. Сразу как нацедят. Туда чуть-чуть дрожжей. И дают, чтобы дрожжи поднялись. И потом вот этой... Она такая густая масса получается. И спинку вот так намазываешь, намазываешь.... Все делаешь по часовой стрелке. Все. Намазываешь, намазываешь, и они оттуда выходят»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Существовал и другой способ: *«На спину ребенка трекали из груди молоко, а затем хлебным катышем катали по этой щетинке и волосы выходили на хлеб»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]. Иногда щекотуны выводили одним молоком.

Лечение желудочных колик

Если ребенка мучили боли в животе, то прибегали к помощи профессиональных знахарок, которые брали младенца и передавали его через развилку дерева матери, произнося определенные слова: *«Буквально через несколько дней моя дочка начала, значит, ногами сучит, кричит — жидкий зеленый стул. Я прихожу к ней. Она как раз из церкви-то шла. Вышла такая лохматая. У нее один глаз был такой, бельмо что ль было. Мне так страшно показалось. Я вошла, говорю:*

— *Теть Настя, вот так и так. У меня дочка, животик у нее болит и стул жидкий.*

— *Ну и чего?*

— *Вот сказали к Вам обратиться.*

— *Где живешь?*

— *Вот там близко, вот здесь.*

— *Приду вечером.*

Вот она пришла вечером. И говорит:

— *Вьнеси.*

Я, значит, вынесла. А у меня как раз сад, в саду стояла яблоня вот такая разветвленная. Она мне говорит:

— *Вставай, вот, сзади.*

Меня, по-моему, поставила на западе, а сама встала на восток. И главное — встала, помолилась, перекрестилась, взяла у меня дочку и давай через вот эту развилку. Три раза дала мне ее обратно. "Завтра, — говорит, — опять приду". Пришла опять. Три раза вот так сходила. И у дочери всё пропало» [78 — 3: ЦРФ — 1026].

Заговаривание грыжи

Чаще всего наши исполнители вспоминали о заговаривании грыжи у младенца: «*Вот ты грызешь, а тебя спрашивает мать ребенка или кто:*

— *Чего грызешь?*

— *Грызу грыжу рыжу.*

Грызу грыжу рыжу.

Грыжа рыжа шла по мосту,

Навстречу ей Спаситель:

— *Ты куда идешь?*

Нет тебе места!

Нет тебе места!

Нет тебе места!

Нет тебе места!

Вот тут и она встает на место»

[13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7].

Существовали и другие способы лечения этого заболевания. Так, например, пупочную грыжу могли лечить воском:

«*Давай мы ее, эту пупку-то, свечкой окапаем.*

Окапали свечкой, и все прошло» [5 — 3: ЦРФ — 1026].

Порча и средства защиты от нее

Считалось, что младенца можно испортить, и самым распространенным средством магической защиты было обливание ребенка водой при каждом купании и приговаривание следующих слов: «*С гуся вода — с Катеньки худоба! Вот так скажешь, и к ребенку никакой урок не пристанет» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].*

Если все же ребенка портили, то существовал обычай умыть его с угольков. Сначала в воду бросали с приговором угольки, а затем умывали младенца: «*Я с угольков умывала сколько раз. Вот я три уголька бросала. Первый уголек бросаешь: "Девка не родиться, мужик безбородиться". На девку бросаешь. Второй уголек бросаешь: "Девка не родиться, мужик безбородиться". На бабу. Потом опять эти же слова повторяешь на мужика. И если который сглазил, баба, девка, мужик — тот зашипит. И этой водичкой*

спрыснуть и умыть. А воду эту потом в притвор. Откроешь дверь и вот как раз в пятку выливаешь» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Лечение грудницы

Частым заболеванием молодой матери был мастит, называемый грудницей. Его лечили либо повитухи, либо старшие женщины. Существовало несколько способов лечения. Так, например, грудницу могли лечить при помощи разогретого сала и медовой лепешки: *«Купи свинины, сала, только свежего сала — тебе и надо грамм 50 и 100 меду и муки.*

Ну, вот все это мы достали. Плилу затопили. И вот она тоненьким, тоненьким слоем, как ножик, даже тоньше — такие ломтики нарезала сало и на сковородку. Посадила меня около плиты.

— Вот, прикладывай, — говорит. — Может горячо, ты сама уже прикладывай на грудь, где у тебя нарыв. Вот как можешь терпеть, чтоб не сжечь. Меняй — как только остынет — опять на плиту. А пока я все это делала, она тут делала лепешку. Мед, мука — все вот это делают. Ну, вот как сырники делаешь, такую лепешку — только потоньше. Густую-густую. И потом она эту лепешку прикладывала к больному месту. Вдруг слышу — как будто ножом вот так резануло! По груди. Боль такая пошла. И запах какой-то. Лепешка превратилась в кисель. Это тянет. Дырочка маленькая быстро зажила» [53 — 3: ЦРФ — 1025]; *«Вот грудницу я четыре раза заговаривала. Бабушка у нас такая была. Четыре раза ходила. Она, значит, пошепчет. Перекрестится. И какой-то едкой жидкостью приложит. Воняло страшно — и всё проходило»* [78 — 3: ЦРФ — 1026].

Отлучение от груди

Наиболее благоприятным моментом отлучения ребенка от груди считался период полнолуния, а также время, когда нет прилета или отлета птиц: *«Если пришло время отнимать ребенка от груди, то это нужно делать на полный месяц, тогда и дитя будет полное, крепкое, здоровое. Нашлучшее время — зимнее, когда нет перелета птиц на юг и с юга»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7].

Чтобы отвадить ребенка от груди, молоко сцеживали на печь или на луг: *«Когда отваживали ребенка от груди и присушивали молоко, то из груди молоко сцеживали на горячую печь, чтобы присыхало, или сострякивали на зеленый лужок»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]. Считалось, что для того, чтобы ребенок не требовал грудь, ее надо мазать медом с солью или горчицей: *«Ну, отнимали его. Медом с солью, горчицей грудь мазали. Чтобы он хватал: "Горько! Я не буду!"* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7].

Зарубание пуп

Когда ребенок начинал ходить, чтобы он не боялся, кто-нибудь из родственников брал нож и, перекрещивая три раза пространство под ногами ребенка, говорил: *«Рублю страсти, рублю страсти!»* Чтобы не боялся ребенок. *Рубят крестиком три раза. Чтобы ребенок шагал, не боялся»* [97 — 3: ЦРФ — 1014].

Первая стрижка волос и ногтей

Первая стрижка волос и подстригание ногтей совершались после того, как ребенку исполнялся год. Считалось, что если это сделать раньше, то ребенок не будет говорить: *«Стричь надо после года, и волосики, и ногти, а то язык застрижешь. Говорить не будет. Ногти зубами обкусывали»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В течение первого года жизни, чтобы обезопасить ребенка, старались придерживаться определенных магических запретов.

Так, считалось, что ребенку до года не надо смотреться в зеркало, «*а то помрет*» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Смерть младенцу предвещала и сделанная до года фотография: «*До года карточки делать нельзя, как сделают — ребенок может помереть*» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Когда ребенок ползает, нельзя через него перешагивать, «*а то расти не будет*» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

* * *

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время лишь в памяти наиболее пожилых исполнителей сохранилась последовательность всего родильно-крестильного комплекса, хотя и они не помнят многих существенных элементов. Нами были зафиксированы лишь отдельные представления о некоторых элементах предродового и собственно родового периода, а также о крестильном обряде. Несколько лучше сохранились представления о послеродовом периоде. Довольно полно представлены обряды, связанные с первым годом жизни ребенка.

В.Е. Добровольская

Обряды совершеннолетия девушек

Ритуальные действия, связанные с совершеннолетием девушек, в Гороховецком крае представлены незначительным числом записей, большей частью фрагментарных. Их можно разделить на две группы: первую составляют обряды, совершаемые при первых регулах, вторую — обряды, связанные с переходом девочки-подростка в следующую социально-возрастную группу.

Обряды, связанные с первыми регулами

Наступление первых месячных отмечалось в Гороховецком крае целым набором обрядовых действий.

Некоторые из них совершала мать девушки. Их основной целью было сокращение срока менструации. Женщина брала нижнюю рубашу дочери, стирала ее и выплескивала использованную при стирке воду на угол дома, стараясь облить как можно меньше бревен: *«Вот, как месячны приходили, у нас говорили "на себя пришли". Вот мать кроваву рубашу возьмет и стирает. Постирает, там может капелька крови только, значит постирает и на угол избы, шварк! — смотрит, сколько бревен облила. Старались поменьше захватить. Чем меньше бревен облито, тем меньше дней месячны»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Девушки старались сохранить наступление первых месячных в тайне. Причина этого запрета была связана с суеверным представлением о том, что у девушки, сказавшей о своих месячных, они начнутся в день свадьбы: *«Старались об этом молчать, скрывали. Говорили все, что если девка проболтается — у нее на себя придут в день свадьбы»* [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

На территории Гороховецкого края существовал обычай, рудименты которого нам удалось зафиксировать. Он назывался «ходить в молодые» и сводился к тому, что при первых месячных подруги обливали девушку водой или валяли в снегу, а затем выбирали из старших девушек «жениха» и оставляли пару на ночь в овине: *«Вот как первый раз на себя придет. Подруги все соберутся, все девушки, вся "роща"». "Подрощу" не звали. Как соберутся, так рубашку ее хватают, жгут ее, а девку, если лето, водой обольют, а зимой — в снег. Валяют в снегу ее. Затем старшую выбирают — говорят "жених", а она, значит, "невеста". Они идут в овин и там ночуют. Болтают там обо всем. Потом уж*

¹ Девушек в деревне делили на две группы — роща и подроща: *«У нас девчонок всех делили, те что помладше, говорили, подроща, а постарше, которые в поре, невестятся — роща»* [79 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

девушка начинает ходить с рощей, а до этого в подроше ходила [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Символические браки были одним из распространенных обрядовых действий в молодежной среде. Заметим, что еще одной формой подобной ритуальной связи внутри девичьего союза можно считать Троицкое кумление (см. статью «Праздники»).

Обряды совершеннолетия

Эта группа обрядов практически не сохранилась в Гороховецком крае. Надо отметить, что ритуальные действия данного обрядового комплекса зачастую причисляются к обрядам предсвадебного цикла². Вероятнее всего, данные материалы необходимо рассматривать как элементы инициальной практики, поскольку основной функцией посвящений является подготовка к переходу в иной социальный статус.

Г.К. Завойко в начале XX в. писал о том, что близ с. Фоминок, в месте, называемом Адовщина, существовал следующий обычай. Перед замужеством девушку заставляли ходить по лавке, а отец и мать просили ее прыгнуть с лавки в сарафан: *«Доцка, вскацы, доцка, вскацы!»*. Девушка должна была упрячиться и отвечать: *«Хоцу вскоцу, а хоцу и не вскоцу! Хоцу вскоцу, а хоцу и не вскоцу!»*³.

П.В. Шейн приводит аналогичный материал, записанный в Нижегородской губернии⁴. Обряд «скакания в паневу» значительно чаще фиксировался на юге России. Однако, как свидетельствуют материалы начала XX в., его элементы можно было наблюдать в Поволжье и Центральной России. В настоящее время нами зафиксированы лишь рудименты этого обряда. Самые пожилые исполнительницы вспомнили, что их старших сестер родители водили по лавке и просили спрыгнуть с нее в сарафан. Считалось, что после того, как девушка сделала это, к ней можно засылать сватов: *«Вот сестра у меня, на пятнадцать годов она старше, мне годов семь было. Вот собралися родители, крестна ее пришла, родня. Она по лавке ходит в рубахе, а мать с крестной ее уговаривают:*

— Спрыгни, Маша, в сарафан, вспрыгни, дочка, в сарафан!

А она говорит:

— Захоцу вскоцу, захоцу не вскоцу!

Потом прыгнула и попала. Говорят, если бы не попала, еще год сватов не засылали б к ней» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003] или: *«Сестру мою заставляли прыгать, я помню, мне уже годов шесть было. Говорили, что надо обязательно попасть в сарафан. Прыгнуть в сарафан с лавки. Она прыгнула и попала. Сразу стали сватов засылать. Вот когда на себя пришло — девки в молодые ходили, а потом сразу в рощу, с парнями уже гулять можно, но еще не сватают. А как прыгнет — сватов шлют уже»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Из записанных воспоминаний видно, что данный обряд совершался позже, чем обряд «хождения в молодые». Девушка, которую заставляли прыгать в сарафан, была

² См.: Зеленин Д.К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М.: Индрик, 1994. С. 179—193.

³ Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Вып. 3—4. С. 166.

⁴ Шейн В.П. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. Вып. 2. С. 718.

уже членом старшей возрастной группы — «рощи», и имела право участвовать в молодежных гуляниях. И хотя девушек в этой группе очень часто называют невестами или говорят, что они заневестились, до совершения описанного обряда к ним не могли засылать сватов: *«Вот она в подрошу ходит, потом на себя пришло, подруги ее в снегу вываляют, в молодые она сходит и в роще уже гуляет, уже с парнями гуляет, но сватов не шлют. Вот сестра у меня два раза в сарафан прыгала. Она первый раз прыгнула, а у матери рука дернулась или что, но она не попала, так еще год Сергей, муж ейный, ждал, когда сватов заслать можно, а как попала, так на следующий день сваты пришли»* [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Обряд «хождение в молодые» и обряд впрыгивания в сарафан относятся к группе инициальных обрядов, с помощью которых осуществлялся перевод из одной социально-возрастной группы в другую.

И.Е. Посоха

Проводы в армию

Проводы в армию, описание которых представлено в данной книге, трудно назвать единым комплексом, каковым был традиционный рекрутский обряд, возникший вслед за похоронным и свадебным и унаследовавший их художественно-композиционные составляющие. Однако в качестве константы по-прежнему сохраняется вечернее застолье друзей и родственников, приходящих в дом призывника, чтобы напутствовать его, а также подарить ему необходимые вещи и предметы. Соблюдается традиционный ритуал выхода призывника из дома спиной вперед, заламывается дерево в сторону родной деревни с тем, чтобы обеспечить благополучное прохождение службы и скорое возвращение домой. Причитания по рекруту сохранились в памяти людей, но не приняты в наши дни в силу предубеждения, что они могут накликать беду и навредить новобранцу. До сих пор исполняются рекрутские частушки, в текст которых включены реалии XIX в., подчеркивающие особый статус призывника и особенности его поведения.

Следует отметить, что раздел составлен на основе воспоминаний исполнителей разного возраста, старшему из которых девяносто лет, а младшему около сорока, поэтому информанты часто расходятся в констатации тех или иных действий, свойственных моменту ухода молодого человека из дома на военную службу. Одни утверждают, что призывника обязательно благословляют родители, другие категорически это отрицают, ссылаясь, как правило, на антирелигиозную общественную установку 20—30-х годов XX в.

В 40—50-е годы XX в. проводы в армию становятся общественным мероприятием, которое проводилось в сельских клубах и домах культуры, куда приглашались все призывники с их родными и близкими, а также официальные лица, что тем не менее не исключало организацию «домашнего» вечера. Со временем меняются также морально-этические нормы социума, что оказывает существенное влияние на отношение людей к службе в армии, вплоть до полного отрицания необходимости всеобщей воинской обязанности.

Интересны случаи включения в обрядовое действие новшеств, которые, в свою очередь, имеют параллели в современной свадьбе. Так, обычай подписывать бутылку с водкой пожеланиями призывнику и дальнейшее ее распитие после возвращения солдата из армии сходен с аналогичным действием на свадебном пиру, производимым с бутылкой шампанского. Типология обрядового мышления в данном случае созвучна традиционным параллелям.

В целом описание проводов в армию, представленное в книге, является сконструированной на основе воспоминаний рассказчиков моделью, позволяющей продемонстрировать стабильные элементы обряда и мобильные компоненты, подвергающиеся временным изменениям.

Статус призывника

В середине XX в. служба в армии осознавалась не только как непрременный долг, но и как подтверждение зрелости и физического здоровья молодого человека. По этой причине не отслуживших в армии парней считали либо немощными, либо инфантильными, что не прибавляло им авторитета и не вызывало интереса у потенциальных невест. *«У нас считалось так. В армии был — значит, парень хороший. Если в армии не был — парень никудышный. Вот как считали. Как теперь? "Ой, я не пойду в армию!" — Раньше: "А! Тебя в армию не берут, значит, ты какой-нибудь инвалид или еще чего-нибудь". Вот. А тогда — ой! Если в армию не возьмут — как на него глядели, на этого парня! Ведь только представь: девки и родители, ну, вся деревня — вот его не взяли в армию. Вот его не взяли в армию»* [53 — 3: ЦРФ — 1029].

Получив повестку, молодой человек становился призывником и в течение всего времени до отъезда в армию (от трех дней до недели) находился на особом положении: ему позволялось не работать, вести разгульный образ жизни, устраивать вечеринки с друзьями, его принимали как дорогого гостя в каждом доме. *«Повестку давали за неделю там. Дня за три-четыре»* [112 — 3: ЦРФ — 1027]. *«Вот, допустим, район. Призывник, он считается со всех деревень. Вот обязательно всегда были драки»* [50 — 3: ЦРФ — 1024]. *«Когда провожают... каждый парень <призывник>*, всё-таки... хоть и чужие, но с каждой <девушкой> поцелуется»* [50 — 3: ЦРФ — 1024].

Благословение призывника

Родители благословляют призывника большой иконой, а затем зашивают маленькую иконку в одежду. *«Да, провожали, провожали с иконами. Тогда-то не было такие маленькие, а большие они, вот такие. Только, значит, когда провожали, благословляли, значит»* [61 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Иконой благословляли, и "Святые помощи" и сейчас. А в армию когда уходили, то <иконой> "Иоанн Воин". Вот и молятся ему, когда служить, вот Иоанну Воину. Даже иконку маленькую давали, вот у меня муж уходил, иконка была маленькая, он с собой взял»* [11 — 3: ЦРФ — 1030]. *«И живые помощи, иконки зашивали в... в одежду... вот в бортовину вот так. У нас вот папа пишет — все наши иконки, всё забрали. Всё там. Дали форму — и всё забрали»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Наряду с иконой в качестве благословения и пожелания удачи использовались и заговорные формулы. *«Всех благословляли: "Спаси, Господи, сохрани и помилуй раба такого-то от войны, от видимого и невидимого врага, от внезапной смерти"»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Последний вечер (вечерочка, застолье)

Накануне дня, когда призывник должен был отправляться в военкомат, а затем и в армию, вечером устраивалось застолье для родственников и друзей. *«Когда в армию провожают, собирают всех людей. Значит, ребята, девки — всё вот за стол. Два, три ли стола. Понимаешь. Угощая. Гармонь, понимаешь, вот. Вот песни вот пели»* [61 — 3: ЦРФ — 1027]. *«Последний вечер, как в армию брать, гуляли до утра. И прямо — у нас была Фоминка — надо везти на лошади двадцать километров этого призывника. Ну, которые ездили, которые — нет. Только за деревню. Провожали хорошо»* [114 — 3: ЦРФ — 1027].

* В угловых скобках приводится текст автора статьи, восполняющий логические пропуски, вызванные спецификой устной речи.

«Конечно, и до сих пор застолье устраивают, и раньше устраивали так же. Ну, обычно друзья собирались, вот друзья собирались, родные. Ну, тогда проводы были какие — со слезами, действительно» [11 — 3: ЦРФ — 1030]. «Очень маленькая вечерочка. Есть невеста — невесту. В то время как-то стеснялись невесту-то еще. Только свои, вот так свои. Свои родственники, своя семья. А так вот таких застолий не было. Стеснялись даже показать-то свою девушку. Не только» [53 — 3: ЦРФ — 1029]. «... раньше девушки только ходили провожать до села. Собирались друзья (не то, что, как сейчас, собирают всех парней, а у него есть там два друга) и они, может быть, с ним пойдут то же самое. Вот они и собираются вот таким образом» [11 — 3: ЦРФ — 1030].

Невеста призывника

Невеста призывника должна была честно дожидаться его возвращения из армии. В противном случае ее жизнь, по поверью, могла не сложиться. Однако многие исполнители уверены, что если девушке в отсутствие ее жениха-солдата выпадает шанс выйти замуж за хорошего человека, то надо им обязательно воспользоваться, так как нет никаких гарантий, что чувства ушедшего в армию кавалера останутся неизменными. Правда, здоровый прагматизм не всегда оправдан с точки зрения вечных ценностей бытия, и впоследствии, спустя годы, уже зрелые женщины жалеют о содеянном. «Раньше-то вот как, я вам скажу. У меня мама дружили с парнем, и у них была очень такая большая любовь. Ну, а его взяли служить-то не на один и не на два года, а пять лет. А родители ее просватали за другого — за моего отца. Вот он когда пришел из армии, через пять-то лет, мне уж было там два годика. И что же. Он маму поймал, сказал: "Я тебя сейчас утоплю". А мама говорит: "Ну, что ты меня утопишь, у меня ребенок останется, и все". — "Ну, бросай Ивана, мы с тобой сойдемся, и твой ребенок будет моим ребенком". Мама говорит: "Нет уж, теперь не смогу я это сделать". Ну, в общем, просила его, настаивала. И вот, знаете, какая, действительно, любовь была. Когда он женился, естественно, у него была семья, он потом тяжело заболел, и, в общем, дело шло к тому, что он умрет. Он говорит своей жене, она знала, что он любит мою маму, он послал за мамой: "Хочу проститься с Катей, позови ее". А мама не могла: "Я его прощаю за все, и пусть меня простит, вот, но дело в том, что я прийти не могу, я очень плохо себя чувствую". Они так договорились, значит, вот если мама первая умрет, то его жена ставит свечку на гроб, а если... Ну, и что же вот, все-таки мама первая умерла. Вот такая была любовь. А что вот осуждай, не осуждай: родители-то ведь вот: "Катя, он единственный сын, а тут детей много" да то-другое, пятое-десятое. Тогда нельзя было противиться родителям, вот и вышла, и разошлись с ним. Четверых детей нажила, и все равно разошлись: не жили мои родители вместе» [11 — 3: ЦРФ — 1030]. «Я год ровно ждала. Через год вышла замуж. Вышла случайно, что вообще вот не надо было выходить. И вот меня даже, как-то, помню, провожали одного парня в армию — мы вот здесь вот вышли на повороте — то есть презрение было. На себе испытала. Как бы ни было — надо дождаться» [78 — 3: ЦРФ — 1027].

Подарки призывнику

Устойчиво сохраняется традиция одаривать новобранцев. Подарки бывают двух видов: практического назначения (то, что может пригодиться солдату в его повседневной армейской жизни) и символического свойства (на память и в качестве оберега, защиты от опасностей). «А раньше, вот ты говоришь, там чё-нибудь специально ведь собирали. Эти вот — набор конвертов, почтовую бумагу. Специально, чтобы письма писал.

Дарили» [50 — 3: ЦРФ — 1024]. «Платочки вышивали. Она <любимая девушка> своему парню дарила платок или просто все девушки. Я всяко выделявала. И ришелье делала, и обвязывала — больно мастер была. Я мастер была» [114 — 3: ЦРФ — 1027]. «Девушка платочек дарила. Девушка вышьет платочек и ему дарит. Кто как. У кого какая фантазия. Там напишут чё-нибудь» [53 — 3: ЦРФ — 1029]. «Вот маленький мешочек сошьют, такой маленький-маленький. И туда горсточку земли, может быть, с ложку столовую. Чтобы охранял свою землю родную. Родину свою любил. И вернулся обратно на свою родную землю» [53 — 3: ЦРФ — 1029]. «С собой дарили кусочек родной земли, это вот в мешочке. Шили специальные мешочки и дарили вот в них — кусочек родной земли. Кто в карман <кладет>. Может, на шею тоже...» [50 — 3: ЦРФ — 1024]. «В клубе организовывали вечера. Там концерт какой-нибудь. У нас, между прочим, концерты были. В последнее время уже, как провозжали, в клубе торжественно. Там председатель колхоза иль сельсовета иль партийной организации или там кто — вот их поздравляет. Вроде напутствие даёт тоже. Земличку им колхозную дарят в мешочке. Вот махорку-то раньше... Кисет. Вот такой кисетик сошьют и дают. Какой-нибудь подарок дадут парню. На память. Хоть этот подарок останется дома. А все равно. Танцы организовывают. А утром, как встали, и в военкомат. А из военкомата уже домой не отпускали. На машине везут, открытая такая... В открытой машине — скамеечки поставят, целую машину» [53 — 3: ЦРФ — 1029].

Сформировался современный обычай дарить новобранцу бутылку водки, на которой оставляют подписи всех провожавших его в армию. По истечении срока службы и при возвращении солдата домой бутылку выпивают. Этот обычай идентичен свадебному ритуалу, принятому в наши дни, когда молодоженам дарят бутылку (или две) шампанского, перевязанную цветной лентой, которую сохраняют в течение года после свадьбы, а затем выпивают. «Бутылку водки <дарили>. И на этикетке все гости, которые присутствуют на проводах, оставляют свои надписи. Через два года — вот у меня брат, он помоложе, двоюродный, недавно пришел. Через два года эту бутылочку вскрыли. Уже когда его встретили. Она два года стояла, его ждала. Он вернулся. Тогда уж ее открыли» [50 — 3: ЦРФ — 1024].

Повсеместно широко распространен обычай собирать новобранцу деньги «на сапоги». «Во-первых, за столом они собираются... Каждый, кто присутствует... должен с собой денежку <"на сапог" призывнику>» [78 — 3: ЦРФ — 1027].

Обычаи перед отправкой из дома

Перед отправкой из дома в военкомат принято проводить определенные ритуальные действия, которые должны способствовать благополучному возвращению солдата в родные места. Некоторые из них традиционны: «Потом, значит, когда провозжают... молодого человека задом выводят, чтобы он вернулся обратно» [78 — 3: ЦРФ — 1027]. Или: «Потом отъезжают когда, приезжают — останавливается автобус, бежит этот мальчишка с парнями. Берёт, ломает берёзу по направлению к той деревне, <откуда родом>. Вот это я сама видела» [78 — 3: ЦРФ — 1027]. Другие обычаи лишь опосредованно связаны с традицией: «Вот перед отъездом, я помню, ждем-ждем. Потом выстрелили из ружья. В Быкасово у нас стреляли. Я не знаю, с чем это было связано. Я не знаю, как прощание что ль такое было» [50 — 3: ЦРФ — 1024]. «Потом, приезжают когда в военкомат, они его берут, мальчишки, на руки и с криком, с визгом кидают, чтоб он вернулся» [78 — 3: ЦРФ — 1027].

«Потом, одна девушка вспоминает, вот тоже уже — сели в автобус, всё, её поднимают, значит, мальчишки, друзья на руки — ну они уже в автобусе. Тут вот они целуются на прощание. Там и слезы и все, в общем» [50 — 3: ЦРФ — 1024].

Плач по призывнику

Провожая сына в армию, мать обычно плакала в голос. Современные исполнители вполне осознают, что плач по новобранцу сродни плачу по покойнику, оттого существует предубеждение относительно необходимости голошения при проводах в армию. Однако в военное время подобный плач, с точки зрения исполнителей, вполне уместен. *«Кто может — тот плачет. Как будто бы покойника провожают»* [114 — 3: ЦРФ — 1027]. *«И голосили в голос, и сейчас есть, голосят, но я этого не знаю. У нас — поплакали, так вот мы провожали, да и все»* [11 — 3: ЦРФ — 1030]. *«Плачут... у нас женщина так говорила в наших краях: "Тоску не наводите на солдата, ему и так тошно". Останавливали. Не дают плакать. Ну, пусть там слезы капаят, но не голоси. Чтоб солдат ушел с легкой душой. И во время войны. Вот во время войны-то брали. Я хоть и мала была в 41-м, все равно, знают, на фронт ведь идет, и все равно старались не голосить. А ведь останавливали. По шесть человек вот таких оставалось. Вот взрослых мужчин забирали, его женщина в обморок падает, а все равно... держались — не голосили. Голосишь — так все равно какую-то беду вроде накликаешь. Так старались. Рыдают себе внутри. Конечно, тяжелей, когда в себе держишь. Особенно, единственного сынка отпускают в армию. Провожала сама. Знаю, что это такое. Напилась-то бы — себя держать — тогда ведь таблеток-то не было...»* [53 — 3: ЦРФ — 1029]. *«А когда на войну провожали... голосили. Вот нас пятеро. Все плакали. Ну, как-то брали поодиночке. Как-то все на производстве которые мужчины были — их взяли оттуда. Никакого: ни гулянки, ничё. Только что семья плакала. Что-то нас — вот пятеро тянемся, мама шестая. Мы плачем вовсю: "Не ходи, папа, воевать-то, не ходи! Ну, пусть они воюют, ну пусть, пап, ты не ходи! И с кем мы будем? Кто нас кормить-то будет?" Вот это мы говорили папе. А то и он плачет навзрыд»* [1 — 3: ЦРФ — 1027]. *«А плачут — это плачут — ясно. В армию отправляли, даже в такую армию. Ну, уж кадровая — там ведь не война всё-таки. И всё одно плачут. Понимаешь. Два года. Ведь на два года. И то плачут. И родные, и так. Посторонние-те»* [61 — 3: ЦРФ — 1027].

Песни и частушки на проводах в армию

На прощальном вечере и утром, когда новобранец отправляется в военкомат, звучат песни и частушки, тематически связанные с проводами в армию:

*Последний нынешний денечек
 Гуляю с вами я, друзья,
 А завтра рано, чем светочек,
 Заплачет вся моя семья.
 Заплачут братья мои, сестры,
 Заплачет мать моя, отец,
 Еще заплачет дорогая,
 С которой шел я под венец.
 Коляска к дому подкатилась,
 Колеса об землю стучат,
 С коляски старший отвечает:
 «Готовьте сына своего».
 Крестьянский сын давно готовый,
 Семья вся замертво лежит:
 Их старший сын, в семье работник,
 Уходит в армию служить.
 Снимайте со стены икону
 И ставьте хлеб и соль на стол,
 Благослови меня, родная,
 Чтоб я живой домой пришел* [11 — 3: ЦРФ — 1030].

* * *

*Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра утром чуть светочек
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой шел я под венец.
Колёска к дому подкатила,
Колёса об землю стучат.
Колёска старшему отвечает:
«Готовьте сына своего».
А сын давно уже готовой,
Семья вся замертво лежит.
«Давай-ка, мамочка родная,
Бери-ка хлеб и соль на стол,
Бери икону себе в руки,
Давай простимся мы с тобой» [61 — 4: ЦРФ — 1051].*

* * *

*Во солдаты Ваню мать провожала,
Тут и вся его родня прибежала.
Тут и вся его родня прибежала.*

*А куда же ты, Ванёк, а куда ты?
Эх, не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
Эх, не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.*

*В Красной Армии штыки, чай, найдутся,
Эх, без тебя большевики обойдутся.
Эх, без тебя большевики обойдутся.*

*Поневоле ты идёшь, аль по охоте,
Эх, Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты.
Эх, Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты [61 — 3: ЦРФ — 1027].*

* * *

*Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала.
Тут и вся моя родня набежала.*

*Ах, куда ты, паренёк, ах, куда ты,
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
(Ну там любое имя...)*

*В Красной Армии штыки, чай, найдутся,
Без тебя большевики обойдутся.
Без тебя большевики обойдутся.*

*Поневоле ты идёшь иль с охотой,
Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты,
Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты.*

*Мать, страдая по тебе, поседела,
Эвон в поле да в избе столько дела.
Эвон в поле и в избе столько дела.*

*Как дела теперь пошли любо-мило,
Сколько сразу нам земли привалило.
Сколько сразу нам земли привалило.*

*Притеснений прежних нет и в помине,
Лучше бы ты женился, свет, на Арине.
Лучше бы ты женился, свет, на Арине.*

*С молодой бы жил женой, не ленился,
Тут я матери родной поклонился.
Тут я матери родной поклонился.*

*Поклонился всей родне у порога,
Не скулите вы по мне, ради Бога.
Не скулите вы по мне, ради Бога.*

*А иду я не на пляс, на пирушку,
Покидаю чинно Вас, мать-старушку.
Что с попом, что с кулаком вся беседа —
В брюхо толстое штыком мироеда.
В брюхо толстое штыком мироеда [112 — 3: ЦРФ — 1027].*

* * *

*Брат, забрили, брат, забрили
Наши головы с тобой,
Посмотрели брат на брата,
Покачали головой [59 — 3: ЦРФ — 1029].*

* * *

*Некрута вы, некрута,
Вам дорожка не туда,
Вам дорожка торная
Через море Черное [59 — 3: ЦРФ — 1029].*

* * *

*Бреют, бреют шеюшку
За матушку-Россеюшку.
За любимого царя,
Слетела буйна голова [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].*

* * *

*Во зеленом во саду
Веточки качались.
Я мальчишка допризывник,
Дай повыгибаюся [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Рекрута вы, рекрута,
Какие вы несчастные!
Отгуляли ночки темны
И денечки ясные [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].*

* * *

*Ты заигрывай, товарищ,
Допризывник припоет.
Он последний день гуляет,
Завтра в армию пойдет [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Ты, мамашенька, вой, не вой:
Я теперь сынок не твой,
Я теперь казенный сын
Под начальством, под большим [37 — 3: ЦРФ — 1032].*

* * *

*Наливай, мамаша, чаю
В голубые чашечки.
Угощай родного сына,
Может быть, в остаточке [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*На последнем на денечке
Маменька потешила:
Все платочки постирала
И сушить развесила [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Когда буду отправляться,
Кину на море платок.
Пусть завянет моя милка,
Как сиреневый цветок [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Милка — белая капуста,
Милка — белы пироги.
Заберут меня в солдаты —
Милка, совесть береги [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].*

* * *

*Прощай, милка дорогая,
Прощай, цветик полевой.
Я вернусь к тебе обратно
С Красной Армии домой [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].*

* * *

*Ты не плачь, моя милашка,
Не грусти напрасно.
Отслужу, к тебе вернусь,
Командиром красным [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].*

* * *

*Ах, залеточка моя,
Прошу тебя не тужить,
А я завтра уезжаю
В Красну Армию служить [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т.5].*

* * *

*Все цветочки-василечки
В сентябре повянете.
Заберут меня в солдаты —
Девушки, вспомняете [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Девушки, вспомняете,
С кем гулять вы станете.
Под окошком на бревне
Сидеть вы будете одне [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Неужели, неужель,
Надену серую шинель,
Серую, военную,
Оставлю милку бедную [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Проводили за деревню
И сказали: «Поезжай».
Неужели вам, девчонки,
Меня, мальчика, не жаль? [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Проводите, девушки,
До реки до Невушки,
До куста ракитова
Мальчика забритого [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*Рекрута, рекрутики
Ломали в поле прутики.
Прутики ореховы,
Рекруты поехали [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

* * *

*А в Фоминской-то приемной
Больно лесенка крута.
Девяносто два приступка —
Пожалуйте, рекрута [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].*

И.Е. Посоха

Свадебный обряд

Вступление в брак является наиболее важным этапом в жизни каждого человека, в корне меняющим его социальный статус. Традиционная свадьба, представляющая собой сложный комплекс обрядовых действий, музыки и поэзии, фиксирует заключение брачного союза, выполняя тем самым юридическую функцию, и символизирует переход юноши и девушки в категорию семейных людей, наделенных определенными правами и обязанностями. Свадьба — это и торжественный пир, веселье, широкое гуляние, где каждый имеет возможность раскрыть свой творческий потенциал.

Традиционная свадьба — многоэтапное обрядовое действие, развернутое во времени и пространстве. Оно длится практически в течение целого года, начиная со сватовства и заканчивая выюнишными окличаниями молодых на Пасху. В обрядовом действии принимают участие не только закрепленные традицией персонажи (сваха, дружка, тысяцкой, поварушка и др.), но и все жители села в той или иной мере причастны к этому событию.

Предложенный в настоящем издании свадебный обряд Гороховецкого района Владимирской области восстановлен на основе воспоминаний местных жителей, относящихся к середине XX в., и отчасти восполнен записями этнографов конца XIX в. Получившийся вариант дает определенное представление об основных этапах свадебного обряда и их последовательности, а также о музыкально-поэтических жанрах фольклора, являющихся неотъемлемой частью обрядового действия.

Следует отметить, что наиболее подробно изображены эпизоды сватовства, девичника и первого свадебного дня. Материалы, включенные в эти разделы, демонстрируют традицию свадебных сольных причитаний невесты, называемых вытьем, а также исполнения величальных песен и приговоров, сопровождающих и регламентирующих обрядовые действия. Свадебные лирические и корильные песни представлены хуже. Примечательно, что эти жанры часто заменяются частушками, необрядовыми лирическими песнями и романсами литературного склада, сходными по тематике со свадебными.

Эпизоды второго и третьего свадебного дня даны фрагментарно по причине отсутствия соответствующего материала. В некоторых случаях обрядовые действия, исполняемые во второй день, описаны в разделе первого (венчального) дня. Таков рассказ о свадебном кусте (красоте), расположенный вслед за фрагментом об утре венчального дня. Наряженный куст являлся символом девичьей воли и использовался в разное время в течение всей свадьбы: куст наряжают за день до венчального дня, выкупают его перед поездкой к венцу, гуляют с ним на второй день свадьбы, а затем убирают под конек крыши, где он со временем истлевет.

В предложенном варианте свадебного обряда представлены два эпизода («Обжорный стол» и «Вьюнство на Пасху»), известных по публикациям конца XIX в., но не имеющих подтверждения в современных записях. Тем не менее с их помощью создается целостное представление о свадебном обряде как комплексном явлении со сложным хронотопом и синкретичным сплавом поэзии, музыки и действия.

Выбор жениха и невесты

Выбор спутника жизни для молодого человека или девушки определялся их родителями, которые обращали внимание главным образом на личностные качества будущего зятя или невестки. Руководствовались принципами: «С лица не воду пить», «Хорошие для хороших, а работающие для нашего брата», «Страшно видится: стерпится — слюбится». Одна из исполнительниц говорит так: *«Вышли мы, ни любви, ничего. Подходящий <жених>* — и больше ничего. <Невеста должна быть> работница хорошая. Послушная. Вот так. Любви нет. Я вот и не слышала — про любовь-то не говорили. Работает хорошо»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Важным условием правильного выбора было предварительное знакомство с семьей будущего мужа или жены, так как известно, что яблоко от яблони недалеко падает: *«Родители решали из-за чего? Вот глядели, какая семья. Благополучная семья, пьяница — не пьяница, работающие — не работающие. Вот все такие вот... Вот если пьяница — так чё туда идти? Если лентяи — так что тоже? И вот выбирали. И чтоб девушка была работающая, была бы рукодельная, была бы хозяйственная. И жених тоже должен быть работающий, непьющий. Чтобы был скромный, не то, что вот разгильдяй, как теперь. Все стороны осматривали. Та сторона — девушки, и эта тоже. Не с лица, говорили, воду пить. Бывает, говорят, красивый такой, и танцевать умеет, и плясать умеет, и петь и всё — а для жизни он ничто — пустой человек. У нас одна вот выходила замуж. "Почему ты, Зин, выходишь за него замуж?" — "А он хорошо танцует". Месяц прожили — и разошлись. Вот как. Вот поэтому-то в старые-то времена и глядели, чтоб он не только хорошо танцевал, а умел всё и делать, и хозяйственный был. Чтобы жену любил. И чтобы всё-таки скромный — не драчун»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Однако следует отметить, что взаимная симпатия парня и девушки также не оставалась без внимания родителей, которые по возможности старались учитывать чувства своих детей: *«Ну, старались, конечно, чтобы и любовь-то была. Родители вот поглядывали. Если вот девушка дружит с парнем, начинает дружить — а старые люди всё-таки вот замечали — сразу девушке говорят: "Не дружи!" Сразу. Только вот только начинают дружить. "Находи себе другого!" И парню тоже также говорили. Так что, заранее <предупреждали>. Всё равно мы, говорят, за тебя замуж не выдадим. Ни в коем случае. Так что заранее, пока далеко не зашло...»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

В то же время бывали ситуации, когда молодые люди не прислушивались к мнению родителей, выбирая себе пару самостоятельно: *«Кто как <выбирал невесту>. Кто по богатству, кто по красоте. Кто — хорошо работает. Всяко. Ну, родители <могли запретить сватать>. Которые ребята, они не слушаются. Сойдутся. Было дело»* [114 — 3: ЦРФ — 1026].

* В угловых скобках приводится текст автора статьи, восполняющий логические пропуски, вызванные спецификой устной речи.

Брачный возраст

Брачный возраст для девушек устанавливался в пределах с восемнадцати до двадцати лет, причем особо отмечаются случаи, когда выходят замуж позже, что не осуждается, но и не признается типичным: *«Нет, с шестнадцати лет никогда не было <не сватались>. Двадцать, восемнадцать. Да, и за двадцать. Кто как успел ведь. А в то время вот, в войну-то, Господи, всё вон в Ильино уезжали девчонки. Там было <за кого замуж выходить>, за солдатом. Уж он взрослый человек. Не все выходили... Только берут замуж — женятся»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Жених, по общему признанию, должен быть постарше, с определенным жизненным опытом: *«Ну, обычно в восемнадцать лет, считалось, в восемнадцать лет уже можно было. Ну, старые люди всё говорили — парень должен быть постарше — года на два там, на три. Старше — в голове-то ума побольше. А молоденькая чего? Что она? У нас вот маму, то есть бабушку мою, выдали замуж — ей было 14 лет. А дедушка уже в те времена пришёл из армии. Сколько лет в армии-то был? Она ещё и не гуляла, ничего. На горе каталась. Вот. Пришли. Пойдём, Тань, домой. Пришла. А её там сватают»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Время проведения свадеб

Существуют строгие ограничения по времени проведения свадьбы. Несоблюдение устоявшихся правил, по мнению исполнителей, не сулит счастливой жизни молодоженам: *«Постом не делают свадьбы. Всё говорят, грех, счастья не будет. А в мае — будешь маяться. Всю жизнь. Если вот в мае выйдешь замуж — всю жизнь будешь маяться. Вот выйти в мае никто не решался. Говорили, правильно»* [62, 54 — 3: ЦРФ — 1027].

В основном играли свадьбы на Мясоед, т.е. в период после Рождества и до Масленицы, а также осенью, после завершения сельскохозяйственных работ по уборке урожая.

Сватовство

Сведения о том, кто приходил сватать девушку, разноречивы: одни исполнители утверждают, что это могли быть только отец и мать молодого человека (*«Отец с матерью жениха <приходили сватать>. Так никто не выходил, как сейчас — нет, сватали, отец с матерью приходили, сватали»* [51 — 3: ЦРФ — 1031]), другие вспоминают, что была сваха, которую выбирали из числа родных жениха и которая знала все порядки и обычаи (*«Приходила сваха. Женичина. Ну, какая-то сродница жениховая или знакомая какая хорошая. Но не мать»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]). Может быть, такое разнообразие мнений вызвано локальными особенностями, предполагавшими возможность выбора в вопросе о свахе, однако не исключено, что определенные обстоятельства жизни вносили свои коррективы в традиционные представления людей: *«Большинство родители сватали. И потом даже если не родители, ну там, сёстры приезжают. Есть чужие сваты. Кто — жених, кто — родители <сватать приходили>. У меня вот соседи — так пришёл из армии, в Германии служил, и вот напротив пришёл. Гулял с одной, а она подросла. И что толку-то? Пара была хорошая. Мать ни в какую. Отец ходил только сватать. Брат ещё ходил. Не надо нам. Девчонка-то хорошая. А он влюбился в неё. Она выросла, покамест он в армии»* [114 — 3: ЦРФ — 1026].

По заведенному обычаю в дом будущей невесты сначала приходила только сваха или родители парня с тем, чтобы узнать о намерениях родителей девушки, и, только получив от них принципиальное согласие, приходили через какое-то время вместе с женихом, чтобы посмотреть на невесту и договориться о времени проведения свадьбы. Сваты, демонстрируя цель своего визита, садились под матицу (брус поперек всей избы, на который наслан потолок) и заводили разговоры о торговле, товаре и купце, о курочке и петушке: *«Приезжала обязательно сваха — женщина, ну, родственница, садилась, вот это называлось матица. Вот она садилась, начинались разговоры: вот у меня есть, мы приехали торговать — тут, в общем, такие какие-то разговоры. Ну, такие вот и не придумаешь, что приехали там торговать, но нужна нам девица, всё. Ну, девица наряжалась, приходила. Первый раз <приходили сватать без жениха>. Потом уже он приезжал, жених, глядеть невесту — так раньше называли. Ну, некоторые знакомы были, но все равно знакомства были»* [11 — 3: ЦРФ — 1029]. *«Она <сваха> только приходила: если вы не против, то им сваты. <То есть она договаривалась одна и договаривалась о том, что придут сваты.> А потом приходил уж жених... И отец, и мать приходили. <Невеста> пока <не выходит>, её коли попросят, она выйдя. А так нет. Как было всё, конечно, не так, как теперь. <Когда приходили сваты, под матицу садились.> Что говорят? "Здравствуйте!" — "Здравствуйте!" Ну вот. "У вас товар, у нас купец". Ну и потом разговор шёл... Ну, договаривались, невесту нужно поглядеть. <Не кривая ли, не косая ли?> Она, мол, попить пошла. За каждым её шагом глядели»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«"Здрассте!" — "Здрассте!" — "Вот мы пришли. У вас, видно, есть курочка хороша больно. Вот мы и пришли к вам". — "Пожалуйста, пожалуйста". — "Петушок вот есть". Ну, чего? И вот начали разговаривать»* [98 — 4: ЦРФ — 1053].

В некоторых случаях предварительный разговор ведут о хозяйстве, но такие незначительные отступления не влияют на суть происходящего действия: *«Как сватали? Приходит свахынька усватывают. Кого невеста <свахой> выбирает. Ну, по родне всё выбрали. И свахов-то по родне выбирали. Она сразу в дом всходила. И вот матицы-то вот. На потолке-то. Поперечины-то. И вот садилась вот на поперечине на этой. Ну, тут сразу догадываются, дескать, пришли сваты. Ну, как же. Сначала <она говорила> чего, как попало — потом уж начинает усватывать. Ну, вот чё на разум придёт, то и говорят. Говорила. Потом сама начинает вот усватывать невесту. При сватовстве жениха не было. Невеста — тоже её не казали. Она где-то дома была. <Договариваются о дне свадьбы.> И договарятся. Вот сегодня там у невесты погуляют. Потом у жениха. Погуляют у невесты, у жениха погуляют»* [18 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Ах, сваты садились вот тут под матицу. Одевали платок. И там это, Мясоед был. Вот они мне всё, девчонки-то рассказывали, я тут присутствовала и помню, как сватали. Ну, потом начинают говорить. Говорить о хозяйстве, там о чём-то. Невеста если присутствует, она немножко знала. Парень ей говорил, если за знакомого. Она всё-таки прилично уже одета. Все рассаживались. И значит, говорили сначала про урожай да там, про хозяйство. А потом вот надо хозяйку нашему там Ванечке. Это самое»* [11 — 4: ЦРФ — 1051].

Богомолье (сговор)

Во время второго приезда сватов, когда окончательно оговариваются все детали предстоящей свадьбы, принято молиться Богу и угощать гостей чаем и пирогами. Невеста одаривает будущих родственников подарками. После богомолья, которое символически закрепляло договор между сторонами, отказывать жениху было нельзя. *«Ког-*

да просватывают, невеста согласна, то молились Богу женщины. Они говорили: "Мы положили начало". Это те молитвы, которые батюшка начинает во время служения в церкви. Вот если уже Богу помолились, отказов не бывает» [11 — 4: ЦРФ — 1051]. «Вот приезжали они уже совсем свататься, и богомолье было. На богомолье вот помолились тама и жених, и невеста, все родные помолятся и садятся за стол, угощают. А после вот дарит невеста отца и мать. Ну, вот полотенцами большинство» [59 — 3: ЦРФ — 1029]. «Если только договорились, Богу молятся. Вроде молятся Богу. Значит, так договорились. В каждом доме иконы-то есть. Ну и вот, значит, так становимся мы с ними. Оне и вот, значит, молятся. А потом оне скажут, за стол там чайку попить. И всё. Договорились, как свадьба, когда свадьба» [61 — 3: ЦРФ — 1024]. «У нас <сватов> угощали чаем, пирогом. Мы пекли. А вина не было. Если заранее, если знают — пива наварят» [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Просватанная девушка причитает родителям, укоряет их в том, что они «пересторговались» и отдают ее в дом к чужим людям (см.: том 2, № 55 «Уж розмилой ты мой родильненький тятенька»).

Обжорный стол

По свидетельству этнографов конца XIX в., после успешного сватовства жених должен угостить родственников невесты, выказав им тем самым особое уважение: «В первый базарный день после усватания невесты ее отец и мать с другими родственниками выезжают в ближайшее торговое село "обжирать жениха", который, свидевшись на базаре с родными невесты, приглашает их с собою в харчевню, где покупает им пирогов, пива и вина, чтобы предложить им порядочный завтрак. Затем, после прогулки по базару, все возвращаются в ту же харчевню — пообедать — справить "обжорный стол", который обходится жениху рублей в 10, 15 и 20 серебром. После обеда, расцеловавшись, разъезжаются по домам. А дома невеста встречает родителей "вытьем"¹ (см.: том 2, № 54 «Ты, родимый ты мой батюшка»).

Девичник

В XIX в. жених и невеста обменивались гостинцами в период между сговором (богомольем) и девичником, который проводился в то время накануне свадьбы. «В промежутке от сговора до девичника, бывающего накануне или в день свадьбы, жених и невеста обмениваются съедобными подарками. При этом получивший подарок должен хотя бы надкусить его. Обязателен традиционный ритуал приглашения на девичник. С раннего утра одна из свех (их бывает по несколько с обеих сторон) со стороны невесты обходит всех родных и знакомых девиц и зовет "на сидение"; к более родным и близким она приходит и зовет раза два или три. На девичник приходят мать жениха и две-три свахи. Они приносят два пирога. Первый, не очень большой — для родственников, второй — не менее полутора или двух аршин в окружности — для всех пришедших девиц. Весь вечер продолжается пение свадебных песен»².

В середине XX в. эта часть свадебного обряда претерпела некоторые изменения. После того, как девушка была просватана, она считалась невестой, а в ее доме начина-

¹ Веселовский К. Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

² Борисоглебский Я. Свадебные обряды в Гороховском уезде // Владимирские губернские ведомости. 1854, № 16.

лась активная подготовка к свадьбе, сроки проведения которой назначались в зависимости от обстоятельств. За неделю до венчания невеста приглашает к себе в дом подружек с тем, чтобы они помогли ей подготовить приданое. *«А потом, значит, девушек, подруг, на неделю к ней вечером домой приглашали. Они тут шили — наволочки не сшиты были, там чего-то, и всё это рукодельничали»* [11 — 3: ЦРФ — 1029]. *«<Когда перед свадьбой девушки собирались, это называлось> девишник девичий. Девишник. <Он перед свадьбой был.> А чё делали? У кого ещё придано не готово, у кого — вяжут, у кого — вышивают. У кого чё делают»* [18 — 3: ЦРФ — 1028].

К девушкам приходили гости, жених со своими друзьями, и приносили им небольшие подарки и угощения: *«<Сладости приносили> наверно. А я не знаю чего. Токо название гостинцы»* [29 — 4: ЦРФ — 1051]. — Девушки поют корильные (см.: том 2, № 89 «Часто сват ходил, часто ездил он», № 90 «Ты изменщица, подруженька», № 91 «Собиралась теща пирог печи»), а затем, после полученного откупа, величальные (см.: том 2, № 72 «Как во нынешнем народе», № 73 «У нас Верынька изменчивая») песни свату и свахе, а также жениху. Примечательно, что одна и та же песня об изменщице со временем стала использоваться в качестве величальной, а не корильной.

Подружки невесты на этих вечерах пели «прощальные» песни (см.: том 2, № 68 «Всколыхалось синее море, синее море», № 69 «Где гуси гуляли»), а невеста оплакивала свое девичество в причитаниях (см.: том 2, № 56 «Ты, сердечный сударь батюшка», № 57 «Подите-ка добро жаловать», № 58 «Не встать ли мне, приподняться»). Особенный плач был у невесты-сироты (см.: том 2, № 59 «Уж как было у сыра дуба»).

В 30—50-е годы XX в. на девичнике можно было услышать романс «Дуняша выходила на бережек крутой». Видимо, некоторые формульные компоненты этой песни вызывают у исполнителей вполне определенные ассоциации со свадебной символикой, а литературный склад обеспечивает простоту ее воспроизведения:

*Дуняша выходила на бережек крутой,
Смотрела, любовалась над быстрою рекой.
Там пташечки летали и гнёздышки вили,
Размилы мои пташки, повейтесь надо мной.
Потешьте моё горе последний вечерок,
Сегодня вечерочком хотели гости быть,
Нежданные-незванные хотели навестить,
Серебряным колечком хотели обручить.
Не дорого, говорит, мне колечко...
[58, 76 — 4: ЦРФ — 1051].*

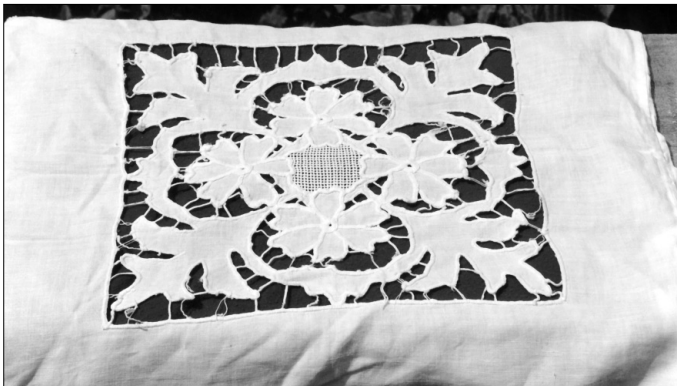
В подобных случаях приходится констатировать функциональную замену традиционной свадебной лирики жанрами более поздней формации.

Приданое. Постельный день

В приданое девушки входят постельное и столовое белье, занавески на окна и кровать, рубашки, матрасы, одеяла, верхняя и нижняя одежда. *«Приданое-то. Ну, мать сама ткала постель. Выткала. Напряла, выткала и набили соломой и две постели в сундук. Навалили на лошадь, повезли придана. Привезли. И всё было вязано. Вот занавески к окошечкам — всё было связано. Например, подзор был — связанной. К кровати боковинки — всё*

было связано. А это — и покрывало было связано. А там один был шутник такой. Говорит: "Ох, мы теперь и рыбы половим"» [102 — 4: ЦРФ — 1052]. «А в приданое там давали чего, может, кофты, может, платья, может, там рубаху. Если, например, брат есть. Рубашка там, значит, нарядная. И жениху и родственникам <дарили рубашку>. Ну, ясно. Невеста, которая уже готовится замуж, значит, оне уж готовят постель тама. Одеяло, может, матрас что-нибудь такое. Да, такие постели были. Нибивали даже сено. Сошьют вот такое — сено набивали. Не было таких-то матрасов-то вотта. Вот всё ясно. И себе там готовила-то нуплять» [61 — 3: ЦРФ — 1024]. «У нас богатой не было. Богатых людей. Никакого приданого не спрашивали. Вот когда я выходила замуж, вот никакого приданого никто не спрашивал уже. <Сами девушки-то всё равно готовили.> Вязали кружева к полотенцу. Шили. Занавески вот шили. <Постельное бельё, матрасы, занавески. Со стороны жениха> ничё не было. Невеста это всё сама привозила — занавески, постель, салфетки, полотенца. Бывало, мода была» [59 — 3: ЦРФ — 1028].

Отсутствие приданого или его части могло расстроить планы девушки на замужество и счастливую семейную жизнь: «Ну конечно. Готовили <приданое>. Заранее всё. Одеяло стегать давала мама. Стегала одеяло сатиновое. А пальто-то у меня износилось. А чё-то я не купила. Я не пошла <замуж>. Пальто у меня не было. И нравился он мне. И ещё чего-то не было. Второго одеяла лёгкого. Не смела сказать, что у меня нет. Раньше надо было всё иметь. Не стала я с ним женить<ся>. Он женился» [62 — 3: ЦРФ — 1027]. Особенно трудным было положение сироты, которая без поддержки родственников оставалась вовсе ни с чем: «<А если девушка сиротой была> никто <ей приданое не готовил>. Сумеет если. Где-то она, может, живёт у хороших людей, так, может, хорошие люди помогут. А так... Кто поможет? Вот есть кто-то, вот такие родственники, у кого, может, она у родственников живёт, вот если в достатке. А если они сами ничего не имеют, так что они дадут ей?» [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Свадебная наволочка, выполненная в технике ажурного шитья («ришелье»)

Сундук для приданого

Исполнители отмечают, что если жених любит невесту, то возьмет ее и без приданого, а корыстность и стяжательство парня осуждаются: *«Постельные принадлежности <в приданое входили>. У парня кровать должна быть. Невеста везёт всё постельное. Если богатые родители — они начинают прям чуть ли не с пелёнок запастись. А у бедных-то как раз — концы с концами еле-еле сходились. А потом ведь, если парень любит девушку, он и без приданого возьмёт. <Бесприданницу не осуждала деревня.> Это если вот по расчёту там со стороны жениха, то вот это — да. А жених приводит домой. Ведь раньше как жили? Ведь в такой комнатке человек десять жило, и кухонка маленькая. И коридор. Полати были. Вот так зайдёшь. И тут вот так — от печки ну там — если вот такая комнатка — печка — и от печки вот по всей избе».* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

В конце XIX в. приданое привозили в дом жениха в день свадьбы: *«Поезжане с жениховой стороны едут с будущими молодыми в церковь, а невестины сродники, забрав все приданое невесты, едут в дом жениха (в этом случае невестины сродники называются коробейники)»*³. К середине XX в. сроки доставки приданого сместились: большинство исполнителей констатируют, что происходило это в особый, постельный, день: *«Был специальный день, постельный. Перед свадьбой. Ну, грузят вот, и — поехали девчонки. Ну и с ними сват один. <Привезут> к жениху — вот там сваха начинает смотреть. Ну, чего она? Вот како придано привезли. Скоко подушек, скоко одеяла»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. Однако некоторые исполнители вспоминают, что везут приданое в свадебный день, когда идут гулять к жениху: *«Перед свадьбой <везли приданое>. Вот если у жениха свадьба была, в этот день везли, когда свадьба. Когда гулять идем, тогда и везем. Вот чего, всё было»* [51 — 3: ЦРФ — 1031]. Или даже за неделю до свадьбы: *«Свахи <возят приданое>. Все родные. Родные вот. Заранее. Это да, за неделю <до свадьбы>»* [29 — 4: ЦРФ — 1051].

Везли приданое девчонки, подружки невесты, а также сваты с обеих сторон. В доме жениха приданое демонстрировали всем желающим, чтобы они могли оценить качество работы, количество припасенного добра, а также зафиксировать тот факт, что невеста пришла не с пустыми руками. *«На лошаде привозили это вот — там кровати и постель, и всё придано. Всё привозили. Значит, там сундук большой. <Подруги везли приданое.> Когда устилают постелью, когда привезут — устилают постель в моём дому, то приходит народ, значит, глядеть, какая постель. Заранее <везли приданое>. За день <до свадьбы>, значит [61 — 3: ЦРФ — 1024]. «Придано — припасут его. На лошади повезут. И вот, а мы были-то... интересно-то поглядеть, у кого какое придано-то? Когда приезжают в дом, и вот эта свахонька, которая тут, она вот руководила — она вот показывает всё придано. Придано выкладывают вот она и на коечку ложит. А потом убирают они»* [18 — 3: ЦРФ — 1028].

Исполнители часто рассказывают забавную историю о том, как сделать ощутимее вес сундуков с приданым: *«Я рассказывала, как приехали за приданным, он в Гороховце жив, этот мужчина — не буду называть фамилию. В общем, приехал он. И она жива, эта невеста-то. И значит, понесли сундук — дно отвалилось. И оттуда выпали кирпичи. Чтобы тяжелее был <сундук с приданным>»* [11 — 4: ЦРФ — 1051]. *«И стали невестин класть сундук на лошадь, это уже когда свадьбы кончились, все ее приданое на лошадь в сундук, на сундук — подушки, там, одеяла. Всё покрывается накрывалом, и уезжает. Ну, вот, сундук-то вынесли, а они вон у меня там в сараюшке лежат, они же большие. И, значит,*

³ Веселовский К. Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

вынесли сундук-то — дно отвалилось: дно у сундука деревянное. И там, значит, доски-то отпали, и кирпичи у их. Кирпичи упали. Я говорю: "А зачем?" — "Чтобы тяжёлый был, много добра". Да всё это: подушки, одеяла и куст. И всё на этот сундук уж сверху, воз целый, ой, добра-то как много» [63 — 3: ЦРФ — 1030].

Утро венчального дня

Утром в день венчания мать будит свою дочь причетом (см.: том 2, № 63, 64 «Ох, уж вставай-ка ты, моя мила доченька»), а та, в свою очередь, будит своих подруг и обращается к родителям с плачем (см.: том 2, № 60 «Ты родная моя матушка», № 61, 62 «Уж вставайте-ка, мое подруженьки»). *«А потом уж вот, уж когда невесту-то вот — вот уж последню-то ночь она дома-то ночует — вот невеста-то девушек будит. Все девочки вот у ей ночуют в последнюю-то ночь. И вот она утром-то встаёт, и вот их будит. Плачет. Ну, как она — причитает, может быть, она и не плакала так-то. Правда-то. А причитала. Причитала:*

*Уж вставайте-ка, вы мои подруженьки,
Уж спалась ли вам темна ноченька,
А мне, молодой, ночка не спалася,
Ночь не спалася,
Уж приснился мне ужасный сон,
Уж будто у меня под окном разлилась речка,
В этой реченьке я купалася,
За ковыль-траву я держалася,
А ковыль-трава обрывалася,
Моя жизнь девичья кончалася.*

Вот причитала это всё. А девушки лежали, ничего не отвечали» [18 — 3: ЦРФ — 1028].

Девушки расплетают невесте косу, одевают ее в подвенечный наряд и накрывают платком. Прощаясь с девичьей волей, она плачет *«Косу расплетали в свадьбишный день. Вот в свадьбишный день невеста плакала. Значит, девчоночки все у ней подруги ночевали. Вот. Она их будила:*

*Вставайте, мои подруженьки,
Уж какой-то вам приснился сон,
А мне горькой не уснулося,
А мне приснился сон
(Уж нескладно я вам говорю).
А мне приснился сон,
Будто я в реченьке купалася,
За травоньку держалася,
А травонька обрывалася,
Краса девичья убывалася» [59 — 3: ЦРФ — 1028].*

«Когда невесту просватывают, то она прощается с родителями, покрывают ее платком, и она, значит. Я только помню, они на стульчик меня сажали и научили меня — ну, ребенок была. Я до школы, лет пяти-четырех вот такая. Там, значит:

*Вы послушайте, подружки милые,
Что я вам буду сказывать.
Спалась ли вам темная ноченька,
А мне, бедной, не заснулося.*

Клавдия Алексеевна Краснова держит наряженный свадебный куст, с. Фоминки

И начнет она: "Прощай, тятенька и мама, и спасибо вам, что вы меня воспитали" и прочее. Вот этому меня научили, я помню» [11 — 3: ЦРФ — 1029].

Девушки поют невесте прощальные песни (см.: том 2, № 70 «Не вострубнет ли трубынька рано поутру», № 71 «Вот послали Аню молодую»).

Когда невесту одевают, то обязательно закалывают в ее одежду булавки от сглаза, так как известно, что злые люди могут ее испортить: «<Невесту могут испортить на свадьбе.> Бывает всё. Булавки тебе дают» [62 — 3: ЦРФ — 1027]. «Знаю, у меня подруга была. Но она уехала из деревни в Подмоскovie. Она красивая, очень красивая. И влюбился там парень сразу в неё. А гулял с одной. Бросил. Бросил и эту Зину полюбил. И была у них свадьба. И вот над ней что-то сделали. Так сделали! А, видно, была эта самая мать той, первой-то. И она приезжала каждый год — ой! год от года прямо вся сохла. Ну, вот она мне и рассказывала. Надо же! И врачи — везде никто не помог ей» [114 — 3: ЦРФ — 1026].

Куст (красота)

Символом девичества считалось наряженное сосновое или еловое деревце, которое украшали разноцветными бумажками и тряпочками. «*Перед свадьбой куст рядили. Не берёзку, а куст такой. Это вот — из сосны. Ну, вот девчонки наряжали, поезд приезжал. Он на первом месте стоял, этот куст. В доме. Да, в углу» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Жених выкупает этот куст, и его вместе со всем приданым везут к нему в дом, а на второй день свадьбы гуляют с ним по деревне и поют песни. «<Куст рядили.> Бывало, сосну. Сосновый. У ёлочки иголки все обрывали, токо оставляли кончики. Все эти девчонки тут были, подруги. Нарезали бумажки. Таперь всё есть. А бывало... Обёртывали эти ёлочки красной, зелёной бумагой. <Назывался куст краса.> Для чего? Ну что её молодость, краса сломлена. На второй день ходили с кустом гуляли. А потом вот не знаю, куда <убирали>» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. «Первый день — свадьба застольная, а потом ходили по улице ряженные мужчины с бабами: бабы — мужиками и другие всякие. Ну, вот. И обязательно ходили, рядили, как на Новый год или когда там рядят елку. Ее носили, эту елочку, ее бумажками тут, куст звали, ряженные с кустом. Сосновый <куст> обязательно с иголками. И тут же еще этими, какие-то бумаги навязали, всё и с этим кустиком ходили, и тут песни: кто чего*

сочинит, вот» [11 — 3: ЦРФ — 1030]. «Наряжали куст! Рубили куст, понимаешь, и вот там и ленты, и всё. И с кустом, вот уже как свадьба кончается, ходят по деревне. Пляшут тут. Бутылка вина, закуска. Рюмку наливают, угощали. С этим кустом, значит, ходят. Его рядили до свадьбы только, за день что ля. А его только привозили. Там не гуляли у невесты, а гуляли только у жениха. <Девчонки> его рядили и его жениху, значит, продавали. За деньги тоже всё» [61 — 3: ЦРФ — 1024].

После гуляния с кустом его убирали под крышу дома жениха, где он и лежал, пока не превратится в труху. «Ну, вот свадьба проходит. И его <наряженный кустик> туда ложат и там он засыхает. На крыше <в доме>, где свадьба идёт. И так он там. До тех пор, когда уж погибнет сам» [102 — 4: ЦРФ — 1052]. Иногда кустом распорядились иначе: его наряжали и оставляли под коньком крыши дома невесты. «У нас ходили с кустом. Вот пойдут за кустом, принесут куст — и невесте его вот туды вот... туда под крышу <под конек>. За день. Вот накануне свадьба. А вот за день идут... У нас один мужчина всё ходил с женщинами-те. И вот он ходил — несёт этот куст. Его нарядят, этот куст. Лентами всякими. Нарядят вот и повесят вот под конёк. [Куст] не снимали. Я вот до сих пор вот помню, вот одна выходила замуж. Я пока там жила, на горе — до сих пор всё он там и был. <Его не везли в дом жениха.>» [18 — 3: ЦРФ — 1028]. Однако следует отметить, что это единственное свидетельство. Возможно, здесь приводится особый случай или в памяти исполнительницы стерлись подробности описываемого действия.

Прибытие свадебного поезда

Пока в доме девушки проводятся последние приготовления и обрядовые действия, жених с дружкой, свахой и родственниками, составляющими свадебный поезд, прибывают на невестин двор. «Ну, за невестой приезжали... Жених. Сваха. Дружка. И всё там. Немного людей» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. В зависимости от материального благосостояния жениха свадебный поезд состоит из одной или нескольких повозок, нарядно украшенных. «<В поезде могло много быть лошадей.> И четыре лошади, и пять лошадей. И три лошади было. Все наряжены дуги-те бумажками с лентами. Розовыми, красными. Нарезешь вот — и нарядишь» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Поезжанам перегораживали дорогу к невестиному дому, и жениху приходилось платить выкуп. «Ну, коли за невестой едут, я говорила вот, то загоразживали <дорогу>. А уж с невестой не загоразживали. <Когда за невестой едут, то загоразживали дорогу и просили> рюмочку и денежки. Вина» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. «Вот когда приезжали за невестой, вот так в церкву всё одно, приезжали за невестой, — и вот туда не пускают — перегораживают дорогу и, значит, вот подходят ко мне вот уплатить денежки... Вот платили денежки» [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Дружка идет в дом узнать, все ли готово, и сообщить о приезде поезжан (см.: том 2, № 96 «Все ли у вас в доме здоровы?», № 97 «А вы, красные девицы»). Поезжане входят в дом, невеста сидит, накрытая платком. Сваха жениха рассказывает о его богатстве («У нас сватушка богатый./ Две коровушки красные./ Две коровушки пёстрые./ Две коровушки буры./ Да две коровушки будя» [59 — 4: ЦРФ — 1055]) и вручает подарки невестинной родне и девушкам (см.: том 2, № 99 «Ну, здравствуйте, добрые люди»). Дружка одаривает невесту (см.: том 2, № 100 «Сватушка, свахонька»). В конце XIX в. обычно дарили невесте мыло, а ее родителям пирог. «Дружка отдаёт свату шубу, а он сам, взяв жениха за руку, ведёт его к печке — за перегородку, подает ему на блюде курник (красный

пирог), чтобы им подарить будущего тестя, потом, взяв кусок мыла, отдает его невесте: "Вот тебе, матушка Аграфена Мироновна мыльце.... Умойся побелее и нам будешь помилее". Затем, взяв блюдо, приглашает свата и сваху и всех поезжан к озолочению будущих молодых, по каковому приглашению все кладут на блюдо деньги, которые после венчания употребляются на пропой»⁴. В XX в. подарки стали другими. «Если вот свадьба, то дарили рубашки. Невеста рубашку дарит жениху. А жених — платье для второго дня. А если жених богатый, то, может, и для первого дня всю её оденет, нарядит. Если богатый, да любит. Ну а в то время-то богатых-то и не было. В моё время-то. Все были равные» [53 — 3: ЦРФ — 1025]. Начинается ритуальный торг между сторонами. По обычаю, сначала выкупают куст (девичью красоту), затем место рядом с невестой либо для жениха и невесты.

Выкуп куста

При выкупе куста девушки, выполняя функцию свахи со стороны невесты, торгуются сначала с дружкой, а потом с женихом. Диалог «продавцов» и «покупателей» выстраивается с помощью определенных приговоров, регламентирующих время действия и символическую значимость происходящего. «Уж я сама и бойкая была. Да, кусты продавала. Вот. Оне всходят. Сваты-т. Там, дружка. Ну и начинаешь с ними разговоры вести:

*Что вы, сватушки, долго не бывали?
Или по полям долго плутали?
Или мы сами оплошали,
Не видали, как вы к нашим вороточкам подъезжали?
У нашего свата постоять не диво,
У нас вороточки тугие, запорочки...
А лесенки крутые:
Упадёшь, долго не встанешь.*

Вот это вот всё говорила я — молодая была. Да-а. Ну, вот сидишь. До тех пор оне не сядут за стол, пока куст <не> купят. А если не купят:

*Вот, сватушка,
Вы взойдёте в наш высок терём,
Увидите садик зелён. (Вот куст-то.)
Наш садик не дорог —
Рубликов сорок.
А если желаете чести,
Ну, рубликов двести.*

Вот дружка-то подходит. Кладёт денег там сколько. Всё было так, шутки. Положит денежку одну какую-то:

*У нас, сватушка, невеста не одноглаза,
У нее два глаза.
(Значит, он ещё кладёт.)*

⁴ Веселовский К. Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

*Знаешь что, сват?
Ты больно лыс — от нас отдались.
Вот Александр Иванович помоложе
И даст нам подороже.*

Вот уж иль жених подходит, расплывается. Расплатится — там уж куст забирают. Ну, его клали куды, примерно в дворицу иль куды. А коли поезд поедет — они забирали его. Ну не жених <забирал>. Сватья» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Формула, устанавливающая цену куста, варьируется:

*А если желаете чести — рубликов двести:
Каждая иголочка — копеечка, каждый сучок — пятачок.*

Ну и вот сватушка, он начинает там давать денег. Скоко? Ну, мало там.

*Ты, сватушка, лыс — от нас удались.
Вот Алексан Иванович помоложе —
Он нам подороже.*

Нарочно дадут мелочи. Одну денежку положат:

У нас невеста не одноглаза.

Значит, оне ещё кладут» [59 — 4: ЦРФ — 1055] (см. также: том 2, № 98 «Что вы, сватушка, к нам долго не бывали»).

Выкуп невесты

Исполнители, говоря о выкупе невесты и выкупе места, часто смешивают эти эпизоды свадебного действия, описывая как единый ритуал. Можно предположить, что после выкупа куста (красоты) следовал выкуп невесты, а затем уже жених выкупал место. Однако не исключена вероятность того, что под выкупом невесты исполнители подразумевают ритуальный выкуп куста (красоты), и в этом случае количество эпизодов, связанных с выкупом, сокращается до двух и их последовательность будет такова: сначала выкуп куста, затем — места. «*Вот приехал жених за невестой. И это выкупали. Девку и место. Место продавали. Девкам платили. И невесту выкупали. И денежки собирали. И прянички невеста забирала с конфеточками. На место сажали и их всех угощали. <Сваха говорила>: "Мы к вам появились, у нас есть женишок, а у вас невеста. Давайте породнимся. Вот у нашего-то новобрачного-то князя дома у двора четыре столба деревянных, да четыре стены стеклянных, да шесть коров..."» [76, 82 — 4: ЦРФ — 0960]. «Если уж я женюсь — вот приезжаю за этой, за невестой. А она сидит, невеста, она покрыта. Тут занято <место>. Меня не пускают к невесте. Я говорю: "Как это?" — "Давай выкунай невесту!" Вот выкупаешь невесту. Мы там мальчишки с девчонками сидим. Дальше, например, рубль дашь. А он скажет: "Мало". Даёшь ещё. Там три рубля ещё дашь. "Ну, хватит!". И значит, выпускают. Значит, идёшь к невесте. Сидишься» [61 — 3: ЦРФ — 1024].*

Выкуп места

В конце XIX в. выкуп места следовал за выкупом невесты, и жених должен был купить место за столом для себя и своей будущей жены. *«Дружка, взяв за руку жениха и невесту, подводит их к столу, за который еще заранее садится наряженная кукла (куклою рядится кто-нибудь из родных невесты) и ковыряет лапоть или шьет без узла, не уступая места будущим молодым до тех пор, когда ей (кукле) дадут сколько-нибудь денег. Чтобы выкупить место, дружка берет ковш квасу, кладет на дно одного грош и копейку и, поднося кукле, говорит:*

*Попей-ко, попей-ко, на дне-то найдешь копейку,
А больше попьешь, еще грош найдешь...*

Выпив из ковши квас и взяв положенные в ковши деньги, кукла уступает свое место жениху и невесте, которые... усаживаются, положив под себя баранью шубу»⁵.

Современные исполнители, вспоминая свадебный обряд середины XX в., придерживаются разных точек зрения. Одни говорят, что жених выкупает место около невесты для себя, другие уверены, что место выкупают для обоих, для жениха и невесты. Место продают дети, мальчики и девочки. В таких случаях невестина сваха произносит определенный приговор (см.: том 2, № 101 «Вот, сватушки, раз: появились гости у нас»). *«Куст купят. И вот, ребята сидят, место продают. Ну, вот мальчишки большинство как-то. Не взрослые, а вот мальчишки»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Я только знаю, что вот выкупали: вот сядет, бывало, мальчишка и девчонка. Сядут и займут их место покамест. И потом жених ещё выкупает место»* [18 — 3: ЦРФ — 1028]. После того как жених выкупит место, он может сесть рядом со своей избранницей. Однако в этот момент ему необходимо быть особенно внимательным, так как девушки готовят для него испытание, чтобы проверить, насколько ловок и смекалист будущий супруг их подруги. *«Вот когда приходишь — она <невеста> сидит за столом. Покрыта. Покрывают. А я ещё говорю — а почему её? А тут сидит выкупать, значит, это. Я говорю: "Чего?" — "А я тебя не пушшу — плати денежки". Я говорю: "А чего ее покрыли? Может, она не моя? Может, другую какую туда посадили? Рябую, рыжую?" Я говорю: "Она мне не нужна будет". — «Нет-нет, это та". Ну ладно. Я ему плачу деньги. Значит, он уходит. Я пришёл, а там подкладывают вот под эту вот под стуло подкладывают блюдо что, я так посмотрел — я тоже такой бывал молодой, духлый, понимаешь. Я только взял — как лопнул. Там — бух! Я говорю: "Что это тама наклали? И ноги-ти сломая". Ну тут засмеялись все, понимаешь. Если жених не догадается, значит, лямой жених. Не боевой, а лямой. Ну, такой — не бойкой. Потом я раскрываю жену свою. Гляжу, моя ли жена. Она уже смеётся»* [61 — 3: ЦРФ — 1028].

Угощение (столование) поезжан

После выкупа места, когда жених с невестой занимают положенные им места за столом, поезжанам предлагается угощение. Дружка обращается к хозяевам, напоминая им, что необходимо накормить гостей (см.: том 2, № 104 «Старик со старухой на печи за столбом», № 105 «Квас-то ясный»). *«Ну, садились за стол закусить. Перед поездом. Как ехать. Ели. Ну, чего ели? Бывало, суп подавали»* [59 — 3: ЦРФ — 1028].

⁵ *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвинской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

Гуленька (пичужка)

Над тарелкой жениха девушки вешали солонку в виде птицы, сделанную частично из соломы, частично из бумаги, и трясли ее так, что соль из нее сыпалась в суп. Жених должен был откупиться от девушек или, по другой версии, обязательно поймать птичку и бросить ее в будущую тещу, стоящую в чулане. Смысл этого действия не совсем ясен самим исполнителям, однако некоторые из них полагают, что оно должно способствовать налаживанию в дальнейшем хороших отношений между зятем и тещей. *«Из соломы <птичку делали>. Ну, вот плетёшь, бывало, лапти плели — вот так же плетёшь её. Завязываешь голову. Голову делаешь — так же нарезаешь бумажки — голову делаешь, петлю делаешь, и это вот так — там, бывало, делали вот так вот. Веер. Вот так вот. Вот вставляешь в хвост — плели из бумаги такой из цветной платочек — туды насыпали соли. В эту, в птичку. В плетёну-то. Ну <плели> не так уж плотно, чтобы соль пролетала. На ниточку. Если жених глянется — ленточку-то не надо толсту. А то не сорвёшь. Пустишь, а соль сыпется в поданный суп. Солим, солим. Раз опустим. Вниз опустишь — поднимаешь. Он не ловит. <Он ждёт момента.> Ещё. Подразнишь. А уж на третий... Договоришься, конечно. На третий раз уж он <ловит птичку и кидает в тещу или> хоть в сваху какую, <чтоб они убрали>» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. «И гуленька была. Делали гуленьку вот такую. Из соломы. Из соломы — вот такая, хвост у ней. Такая бумага твёрдая. Она держится. Вот так режем, вот так и клинья, и хвост. И — прям настоящая гуленька. <Туловище из соломы, а крылья из бумаги делали.> Голова тут, всё — соединить, чтобы было. Гуленька... Полезешь и в неё соль насыпашь. И ножки ей сделаешь вон из берёзы. Не из веточек. А из этих... Почки, да. Почки. Вот возьмёшь и — с ножками и всё. Садятся. Вот сидишь и подсыпашь туда соль-то. А они сидят, пока ничё не делают. <А чтобы не сыпалась соль-то>, тарелочкой закрывают. Тарелкой закроют, уж вот когда жених пымает эту гуленьку... <Девчонки её за нитку дергают.> Там договариваемся с женихом-то: "Ну, ты в первый раз не трогай. Вот второй тоже. А на третий раз уж лови. Уж мы не будем убирать-то". Эту гуленьку <жених> ловит, отрывает эту нитку. Она на нитке. И к теще <кидает в чулан>. И после начинают оне столоваться... Ну, там — выпивать. Ведь, конечно, мало выпивали...» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. «Ой! плели, говорит, эту пичужку. Над столом-то над молодыми-то, говорит, вешали. Поставит блюдо супу-то, вот его, говорит — чтобы денег давал! Ему, говорит, эти, песни поём. Про жениха да про невесту. Величальные. Так, говорит, насудим, что есть нельзя (смеется). Вот она вот порассказала. <Тётя Нюра Хижонкова. Она из деревни Ломовка.>» [26 — 4: ЦРФ — 1051]. «Если жених пымает, то, значит, кидает в тещу. Я помню вот в этих птичек-то, у нас вот, соли клали. <Соль>, чтобы зять был для тещи хорош!» [45 — 4: ЦРФ — 1051].*

Во время угощения поезжан девушки поют величальные песни и получают за них вознаграждение. «А

Изготовление свадебной птички-«гуленьки»

потом поют эти подруги. Поют песни. Точно-т не расскажу какие. А им тоже платишь деньги. Жених платит. Песню-т поют какую. Как они вот поют песню. Ну, там уж сцены какие — в песне. Для невесты, для жениха» [61 — 3: ЦРФ — 1024] (см.: том 2, № 75 «Во горенке во новой, во новой», № 76 «Красна ягодка изюмчатая», № 78 «На дубчике два голубчика сидят», № 79 «Как на горыньке два дубчика стоят», № 80, 81 «У нас свяхынька возлюбленная», № 82 «А как наша сваха хорошая», № 83 «Костю жёна соряжала», № 84 «Ой, капуста была совсем белая», № 85 «Березничек влильеватай», № 86 «По лужеченьку погуливала», № 88 «Кто у нас хороший, кто у нас пригожий»).

Отправление свадебного поезда в церковь

После окончания столования поезжан дружка обращается к родителям невесты с просьбой благословить детей ехать к венцу (см.: том 2, № 106 «Сватушка, подступи-ко, сюда, пожалуй»). Невеста в последний раз обращается к родителям с прощальным плачем (см.: том 2, № 66 «Ты, сердечный милый батюшка»). «Кланялись отцу. <Невеста обязательно должна была уважение проявить.> Плакала: "[Родимый] батюшка, вскормил, вспоил, на путь поставил". Много причитала, много причитала» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. Затем жениха и невесту ведут в чулан, где их благословляют родители девушки. «Когда они из-за стола выходят. Молодых — в чулан. Там отец с матерью <невесты> благословляют. В чулане» [59 — 4: ЦРФ — 1055].

Существовало поверье, что нельзя идти девушке к венцу во время менструации. «Говорит <мать>: "Если только у тебя будет менструация, раньше не менструация, а месячные называлось, и ты пошла к венцу и не сказала никому — тебя всю жизнь кровь заму-чит"» [13 — 4: ЦРФ — 1052].

В церковь жених с невестой едут, как правило, порознь, на разных лошадях. «Вот и поедут <к венцу>. Поели. Невесту забрали и поехали. Жених на одной <лошади>, а невеста <на другой>. А вот от венца уже вместе ехали» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Однако иногда такой порядок нарушается, и жених с невестой едут вместе. «Там едет целый поезд <в церковь>. Например, там четыре лошади. Мы с невестой на одной лошади сидим, значит. И у нас кучер. Вот так раз хоть венчаться поехали, на свадьбу поехали, со свадьбы. [Когда венчались], родители там, и мать там, и эти. Значит, там участвовали. Участвовали там» [61 — 3: ЦРФ — 1024]. Переступая порог церкви, невеста, по поверью, должна сказать: «Господи! Возьми хоть половину!» [63 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003], предохраняя себя тем самым от слишком частых родов.

Встреча молодых после венчания

При возвращении из церкви новобрачных встречают родители мужа, благословляют их хлебом-солью и иконой Богородицы. «А встречают отец с матерью у входа. В колидоре вот. С женихом уже <благословляют>. Хлебом-солью. <Икона Богородицы> обязательно» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. «Встречали отец с матерью. Хлебом и солью. На венчаньи <родители жениха и невесты> не были и в поезде не приезжают. Им надо готовиться.» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Иногда, по свидетельству некоторых исполнителей, встречает молодых одна мать. «<Невесту> под руки берут, понимаешь, вот, и ведут. А там встречают, мать, что ль там. Даже проздравляют. Вот. Хлеб и соль, как уж это уж заведёно. Это встречает, тут мать встречает и всё» [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Сразу после благословения новобрачных потчуют молоком, в которое опускают кусочек угля, что должно способствовать рождению красивых детей. *«Вот когда приезжают <молодые>, сразу наливают им молока. <А в молоко кидали> угли. Говорили: чтобы дети были черноглазые»* [59 — 3: ЦРФ — 1028].

Свадебный пир (застольная свадьба)

На свадебном пиру гуляют, главным образом, родственники новобрачных, которых называют гулевыми или свадьбишными. По свидетельству собирателей конца XIX в., свадебное застолье ничем не примечательно. *«Свадебный пир идет обыкновенным порядком, без всяких прикрас и прибауток. Смешно только смотреть на стариков и старух, сидящих в столе, когда они исполняют общепринятый местный обычай цалования за жарким. Старухи, чтобы подтрунить над своими муженьками, берут их за бороду, за нос и за волосы»*⁶.

В середине XX в. произошла определенная трансформация свадебного пира. Судя по сообщениям исполнителей, девушки, подруги невесты, присутствовали на застольной свадьбе и исполняли величальные песни не только для молодых, но и для других гостей, собирая деньги за их чествование. Величали невесту:

*Как у нас Варваронька изменчивая,
Не хотела она замуж выходить,
Обещалась в монастырь с нами идти,
А мы, глупы, понадеялись на неё,
Все пошили платья чёрные,
Пкупили ленты длинные,
Ленты длинные, трёхаршинные.
Ты послушай-ка, Варенька,
Про тебя какую песенку поём,
Мы какую тебе честь воздаём* [59 — 3: ЦРФ — 1028].

* * *

*Унас Настенька изменищица была,
Не хотела за жених она идти...
Изменила она девичью красу,
Не хотела за жених она идти.
Нас девчоночек с собою увезти* [11, 58, 76 — 4: ЦРФ — 1051].

(См. также: том 2, № 75 «Во горенке во новой, во новой».)

Величальная песня жениху:

*Как на горыньке два дубчика стоят,
На дубчике два голубчика сидят,
Оне сидят, промеж себя говорят,
Какой Сашенька хорошенькай,
Какой Сашенька пригоженькай* [59 — 4: ЦРФ — 1055].

⁶ *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвинской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

Примечательно, что эту же песню поют в качестве величальной и для простого гостя, неженатого парня (см.: том 2, № 87 «Как у месяца золотые рога», № 88 «Кто у нас хороший, кто у нас пригожий», № 78 «На дубчике два голубчика сидят»). Исполнялось также общее величание для новобрачных (см.: том 2, № 76 «Красна ягодка изюмчатая»). Затем было принято величать дружку, сваху, свата и остальных гостей. *«А потом уже на свадьбе они (подружки невесты) участвовали, и с тарелкой про каждого пели песни. Я только одну запомнила, я на свадьбе была вот такой девчонкой, в общем, смотрела, как девушку напротив просватывали. Они, значит, пели, одну я песню помню — про дружку. Дружка — это друг жениха:*

*Капуста была белая,
Как у дружки жена была милая,
(и жена рядом сидит),
На свадьбу она его собирала:
"Ты поедешь, мой миленький, на свадьбу,
Тебе девушки там будут песни пети,
А ты должен их благодарити".*

И он в тарелку кладет монету. Вот эту песенку я почему-то, ребенок, запомнила. Про всех эти песни: про жениха, невесту и дальше пошло» [11 — 3: ЦРФ — 1029].

(См. также: том 2, № 84 «Ой капуста была совсем белая».)

Величальная песня дружке:

*У нас друженька богатый, богатый,
Он из тысячи на тысячу ступал,
Из неволюшки сирот выкупал,
Вы сиротушки, сиротушки мое,
Помолитесь вы Богу обо мне,
Чтобы Бог меня помиловал,
За совет меня пожаловал.
Ты послушай-ка, друженька,
Про тебя какую песенку поём,
Мы какую тебе честь воздаём [59 — 3: ЦРФ — 1028].*

Величальная песня свахе:

*У нас свахынька возлюбленная,
На сыте сваха замешанная,
На мёду сваха развоженная,
Без белил она белёшенька,
Без румян она румянёшенька,
Ты послушай-ка, свахонька,
Про тебя какую песенку поём,
Какую тебе честь воздаём [59 — 3: ЦРФ — 1028].*

* * *

*У нас сваха-то возлюбленная,
На меду сладко замешанная,
На сыте сваха возложенная.
Без белил она белёшенька,*

*Без румян ты румянёшенька,
Ты послушай-ка, свахынька,
Про тебя мы какую песенку поём,
Да какую тебе честь воздаём [59 — 4: ЦРФ — 1055].*

(См. также: том 2, № 80, 81 «У нас свахынька возлюбленная», № 82 «А как наша сваха хорошая».)

Величальная песня свату:

*У нас сватушка богатый, богатыйрь,
Он и с тысячи на тысячу ступал,
Из неволюшки сироток выкупал.
Вы сиротушки, сиротушки мои,
Помолитесь вы Богу обо мне,
Чтобы Бог меня помиловал.
Ты послушай-ка, сватынька,
Про тебя, какую мы песенку поём.
Вот какую тебе честь создаём.*

После каждой песни обносят» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. (См также: том 2, № 83 «Костю жёна соряжала», № 85 «Березничек влильеватай», № 86 «По лужеченьку погуливала».)

Звучат на застольной свадьбе и другие песни, которые не имеют жесткой приуроченности к обряду, а лишь по ассоциативному ряду образов связаны с ним:

*Полно, пташечка, над озером летать,
Полно, пташенька, об верненьком скучать,
Придет времечко, увидишься опять,
Либо в роще, или в зеленом саду.
Во садочке моем цвет цветет,
Кто сорвет его холодною рукой,
Цвет волнушки не повянет, расцветет,
Мил головушку причёшет, уберет,
Он гулять пойдёт, меня с собой возьмет.*

«*Это жениху пели» [59 — 3: ЦРФ — 1029].*

Плясовая песня:

*Я по жердочке шла,
Я по тоненькой,
По еловенькой,
Тонка жердочка
Не отсюда не ломится,
Со хорошие родители
Жить не стошнется,
Не стошнется на час,
Нагуляется сейчас,
Пойду-выйду молода
За новые ворота,
За новые, кленовые,
За решетчатые,
За решетчатые,
Частоклетчатые [59 — 3: ЦРФ — 1029].*

Тутушканье жениха и гостей

Выйдя из-за свадебного стола, любой гость или даже новобрачный попадали в руки тех, кто не был участником свадебного пира, а только лишь смотрел на него из сеней. Последние подбрасывали его на руках до тех пор, пока он не откупался деньгами. «Гуляют. Вот тут их тутушкают. <Только гулевых> и жениха» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. «Там гости тутушкали. Я не знаю — гостей что ль... Как? Схватят в обе <руки>. Человека там три-четыре. У-ух, вот! А тутушкали вот ещё. Во время свадьбы, когда вот от венца приезжали. Вот сидят там все, закусят, выпьют, а потом песни там петь. Или заиграют сразу, запляшут. Вот нельзя выйти в коридор. А там стоят мужчины и женщины. И только как выйдут, схватют его и — тутушкать. <Кверху подкидывать на руках.> Вот плати денежки. Вот это тутушкают свадьбишних» [102 — 4: ЦРФ — 1052].

Укладывание молодых

В конце XIX в. новобрачные вообще не были участниками свадебного пира. По приезде из церкви молодых встречают с хлебом с солью еще на дворе, а потом уводят их «на клеть — закусывать»⁶. В середине XX в. молодых провожали в изолированное помещение в конце свадебного застолья. В роли провожатого могли выступать разные люди, но не чужие, а близкие: сваха, крестная мать, дружка. «А молодые на полатах не спали. Их, между прочим, вот хоть зимой, зимой — были раньше не сеновалы, а эти — кладовка. Ну, назовём кладовкой. В коридоре кладовка была. Вот. Но кладовка не из досок сделана, она тоже бревенчатая. Двери путёвые и всё. И стелили на пол постели, из соломы набитые. Вот. И молодых — туда. Чтобы молодая ночью не убежала. От жениха. Чтобы прижималась к жениху. А то замёрзнешь» [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Кровать молодых мог занять кто-нибудь из гостей. В таком случае приходилось платить выкуп. «Когда <застолье> кончалось, значит, вечером <молодых вели на кровать>. Там кровать тоже уже... заняли уже кровать мою. Пришел, значит, а там уже лежит человек. Лежит человек: "Это не твоя кровать". Ну, чего. Надо выкупать её. Ну, чего? Или бутылку самогона или деньги плати. А потом он уходит. Мы остаёмся с невестой уж, роздеваемся...» [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Второй день после венчания

На второй день свадьбы ходили будить молодых. Исполнители затрудняются сказать, кто это делал: сваха, крестная, мать жениха. Задача будивших заключалась в засвидетельствовании непорочности молодой супруги. Доказательства невинности представлялись на всеобщее обозрение. «Если свадьба — будили <молодых утром>. Глядели, какая она. Простыни выставляли. Ну не выставляли, но глядели. Это свидетельница <глядела>. У нас так было — свидетельница. А если это была свидетельница, она кому-нибудь говорила: "Честная, нечестная?"» [53 — 3: ЦРФ — 1025]. «Утром будили их. Будили. Бывало, вот это, как котора вроде того, что, дескать испорчена-то, так, бывало вот, показывают вот это вот. Там простынь иль чего? Простынь, да. Да, дескать, вышла непорчена. А

⁶ Веселовский К. Свадебные обряды в Мордвинской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

другую вот начнут: "Испорчена"» [18 — 3: ЦРФ — 1028]. Если было известно, что девушка выходит замуж, уже утратив невинность, то ее родные старались заранее договориться со сватами о том, как скрыть этот факт, чтобы избежать позора. «Ну, в то время как-то, знаете, если нечестная, то тут и никакой свадьбы не будет. Не то, что такая уже свадебка. Сосватали, всё тихо-мирно. У нас нету денег на такие свадьбы или ещё что. Это ведь для них стараются. Огородить» [53 — 3: ЦРФ — 1025]. За столом молодому мужу подносили яичницу и рюмку водки и внимательно наблюдали за его действиями, которые должны были продемонстрировать присутствовавшим невинность или порочность молодой жены. «Яичницу делали <на второй день. Жених ее ел>. Если честная <невеста>, то с серёдки начинали, а нечестная — с краешку, с краю» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. «Было, было у нас. Подают в черепушку там блюдо. Там яичницу, и он, значит, сединочку. Посуду били. Первую рюмку выпьет жених и тут же её разбивал» [18 — 3: ЦРФ — 1028]. Молодой благодарит родителей жены за хорошую дочь. «Били. Рюмку сначала, стопку. "Спасибо, папа с мамой, за тёмную ночку и за вашу честную дочку". Поблагодарит отца с матерью. И вот разбивалась рюмка. И мать придёт — тарелку разобьёт» [89 — 4: ЦРФ — 1055].

После ритуалов, свидетельствовавших о невинности молодой жены, начинаются испытания ее ловкости и сноровки. «На второй день вот. Посуду били. Невеста мела — денежки собирала. <Гости> ничё не приговаривали — денежки кидали. Ну, нарочно-то пляску устроят, чтоб были по всем сторонам осколки-те. <Частушки с картинками пели> не все. Было как-то всё-таки скромно как-то. Не так, как вы теперь думаете. По телевизеру поглядите чего, а! Господи! Ой! И на первый день, и на второй — кто пел, а кто не пел» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. «А потом какая она хозяйка-то будет? Шустрая или нешустрая? Вот кидали денежки. Мелкие по всем углам — как она быстро соберёт. Быстро собирает или нет невеста? Смотрели на невесту. Вот. И в это время, когда она бегаёт, они сзади глядят — не кривая ли, не горбатая ли? Сразу всё высмотрят» [53 — 3: ЦРФ — 1025].

На второй день гуляют с кустом (красотой) ряженые мужчины и женщины (см. об этом выше). Наряженные невестой и доктором разыгрывают сценку лечения ново-брачной. «В невесту рядились. Ну, бывало, это доктором там наряжались. Придут. "Врач! Плохо с невестой или с кем не то". — "Пришел доктор подлечить, а то молода заболела..." <Доктор делал> укол понарошку» [59а — 7: ЦРФ — 1001].

В завершение второго дня молодоженов водили в баню. «Когда уже кончается это — всё, значит. Куст, горшки когда били, деньги когда бросали, подметали веником. Она <молодая> собирает. Глядишь, там деньги. Собирает невеста. А уж это ходили посла уж на второй день уж по деревне. Как кончалась свадьба, <молодые ходили вместе в баню>». [61 — 3: ЦРФ — 1024]. «Раньше вот, конечно-то, было. В баню их, это... Ну, после. После вот свадьбы. Вместе <в баню водили>» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. «Водили, водили. Водила <в баню> их свахонька. Сваха водила. Чай, на второй день» [18 — 3: ЦРФ — 1028]. На второй день свадьбы поют «скромные» песни и частушки, содержащие эротические флиртовальности, но не имеющие обрядовой закреплённости. Так, почти повсеместно звучит в этот день свадьбы песня «Молодка»:

*Молодка, молодка, молоденькая,
Не с кем мне, молодке, ночку ночевать,
Ночку ночевать, поспать, полежать.*

⁷ Веселовский К. Вьюнство в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1863, № 41.

⁸ Там же.

*Лягу спать одна, без мила дружка,
Без мила дружка берёт грусть-тоска,
Грусть-тоска берёт, далеко живёт,
Далеко-далёко на той стороне,
На той на сторонке не близко ко мне.
Машет милый мой правою рукой... [59 — 3: ЦРФ — 1028].*

(См. также: том 2, № 137 «Пошли девки за грибами, нашли яичек с мудами», час-тушки.)

Третий день после венчания

На третий день гостили у родителей молодой жены, где всех угощали блинами «Ну, приезжали. В дом невесты. Бывало, называлось, на блины. На третий день. Там опять собиравались близкие и опять гуляли» [59 — 3: ЦРФ — 1028].

Вьюнство на Пасху

В конце XIX в. в заключение свадебного обряда было принято окликать молодоженов на Пасху, утверждая окончательно их семейный статус. «*На пасхальную субботу еще до восхода солнечного... собираются партии крестьянской молодежи — парней от 5 до 15 и более человек и начинают окликать сначала молодых своей деревни (если они есть), а потом переходят и в другие деревни, не пропуская ни одной молодой четы не окликанною*»⁷ (см. также: том 2, № 53 «Что не пыль в поле пылит, не дубрава мать шумит»). Исследователь отмечает, что «*песню эту в продолжение всего года только и можно слышать в пасхальную субботу*» и что она сопровождается «*различными кривляньями и ломаниями поющих*»⁸. Молодожены выносят окликальщикам по несколько монет, яиц и пряников или водки. Во второй половине дня к молодым приезжают гости со стороны жены, и устраивается застолье. Современные исполнители, к сожалению, не упоминают об этом ритуале.

Описанный выше свадебный обряд, существовавший в Гороховецком крае, может быть использован в качестве вспомогательного материала участниками художественной самодеятельности для фольклорно-этнографических постановок, демонстрирующих богатое культурное наследие региона. Возможно также включение отдельных эпизодов и текстов (в частности, приговоров) в современную свадьбу с целью ее философско-эстетического наполнения. Однако в этом случае необходимо очень корректно и неформально относиться к историческому материалу, чтобы избежать натяжек и безвкусицы при совмещении с реальным обрядовым действием, так как мировоззрение и культурный опыт современного человека отличаются от мировоззрения его предшественников.

В целом предложенный материал будет хорошим подспорьем всем любителям и почитателям традиционной народной культуры в ее изучении и просветительской работе.

В.Е. Добровольская

Похоронный обряд

Погребальная обрядность в той или иной форме сохранилась в традиции Гороховецкого края до настоящего времени. Более того, каждый исполнитель уверенно называет не только этапы похоронного обряда, но и их последовательность. Необходимо отметить, что единственным исчезнувшим элементом ритуальной практики являются причитания, хотя рассказы о них присутствуют у всех информантов.

В Гороховецком крае похоронный обряд был насыщен обрядовыми действиями, которые имели не только утилитарный, но и магический характер. Они были призваны защитить живых от умерших. Нарушение правил могло привести к трагическим для семьи умершего последствиям.

Похоронный обряд в традиционной культуре занимает большее, чем сами похороны, время. Начинаясь в момент смерти человека, он заканчивается в годовщину его кончины, когда для семьи покойного полностью восстанавливается разрушенная смертью граница между миром живых и миром мертвых. Обычно похоронный обряд принято делить на следующие этапы: от смерти до выноса тела из дома, уборка дома, дорога на кладбище, подготовка могилы, похороны, поминки, поминальные дни. Рассмотрим каждый из этих этапов подробнее.

Первым обрядовым действием, которое совершалось после смерти человека, было обмывание. Существовало поверье о том, что обмывать женщину должна женщина, а мужчину — мужчина. Если по каким-либо причинам происходило нарушение этого обычая, то существовало магическое действие, призванное защитить нарушителя от возможных несчастий. Он должен был встать над открытым подполом и окатиться водой: *«Обмывала я двоих, только на полу обмывала. Мужиков-то должны обмывать мужики, а у нас получилось, что прибежали за мной, и мужиков никого нету. У меня отец умер, так я его обмывала сама, мать мне и говорит:*

— Валька, скатись!

Открыла западню (в подполье лазишь). Вот я над ней встала, окатилась, вода вся туда ушла и всё» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Обмывали человека на полу, при этом считалось, что обмывать на голом полу недопустимо: *«Обмывали всегда на полу. На пол обязательно клали. У кого одеяло такое тонкое или просто соломки постелили и тканюшкой какой-нибудь. Обмывали вот это только на полу»* [118 — 3: ЦРФ — 1017].

Вероятно, первоначально на пол стелили сено, которому приписывалась очистительная сила: *«Покойника клали не на чистый пол, а на сено, подстиляли чего-нибудь и эту подстилку с сеном выносили»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Существовал обычай одаривать того, кто обмывал покойного. Считалось правильным, если человек помимо своего похоронного узелка приготовит и узел для обмывальщика, в который чаще всего входила одежда: *«Вот у меня тетя Нюра была. Так у*

нее всё было. Даже было тому, кто обмывает, на платье, и платок, и чулки, всё было заготовлено. Кто обмыл, тому надо отдать. Вот второй узелок» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Предметы, с помощью которых обмывали покойника, а также подстилку, на которой его обмывали, выбрасывали. Полагали, что воду необходимо вылить на угол дома: «Обмывали и вещи выбрасывали, а воду выливали на угол дома» [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], а всё остальное выбросить туда, где никто не ходит, или закопать в землю. «Вот то из чего обмывали, и тряпочку, и мыло это выносили в сторонку, чтобы никто не ходил, а можно в землю закопать» [118 — 3: ЦРФ — 1014]. Место, куда выбрасывали эти предметы, считалось нечистым. Полагали, что там может появляться покойник: «Я помню у болотины это всё валялось, и обходили все. Нам казалось страшно — покойник тут был» [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Гроб должны были изготавливать посторонние люди, так как в противном случае на семью могли обрушиться несчастья: «Гроб должны делать чужие, своим гроб делать нельзя, а то покойники еще в доме будут» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В то же время не видели ничего предосудительного в том, чтобы кто-то из родственников сделал гроб заранее: «Убабушки нашей лет сорок два дубовых гроба стояли на чердаке. Мы туда зимой яблоки клали, рябину. Дубовые у нас гроба были» [118 — 3: ЦРФ — 1014]. Считалось, что если гроб больше, чем нужно, в доме появится еще один покойник: «Вот если гроб больше, чем покойник-то, то уж непременно в доме еще покойник будет. Гроб на двоих-то» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В гроб клали сено или стружки, закрывали их белым материалом; сеном или стружками набивали подушечку под голову покойника: «В гроб стружку клали, и эту стружку в наволочку клали, белым материалом покрывали и одетого клали, тапочки вот» [118 — 3: ЦРФ — 1014]. В соответствии с восприятием гроба как дома его обустроивали внутри и, прежде всего, устраивали в нем «постелью для покойника» [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Вниз клали стружки и солому, затем на них укладывали березовые листья: «В Духов день иду за березками, ломаю, двенадцать святых Апостолов, каждому Апостолу по веничку ломаю, привожу их домой, веники расстилаю в тени. Сорок дней пролежат эти березки, на сорок первый выношу, обрываю каждый листочек, кладу в коробё. Умирает человек... насыпаю в сумку листочков этих... в гроб кладу листочки. В гробу четыре угла, всем четырем Апостолам листочек, мертвому под подушку в наволочку листочек кладу» [51 — 3: ЦРФ — 1031]. Сверху стелили холст, а некоторые исполнители вспоминали, что их родители укладывали и лоскутки от савана: «Моя мама, когда отца хоронили, саван на живую нитку шила, и лоскутья от него в гроб потом ложили» [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Под голову покойнику клали березовый веник и подушку, набитую березовыми листьями или сеном, а некоторые женщины специально собирали все вычесанные за жизнь волосы, чтобы после их смерти ими набили подушку.

Одевали умершего в приготовленное им *смертное*. Каждый человек считал необходимым приготовить себе похоронный узел, в котором, помимо одежды, находятся покрывало и наволочка, платочки для одаривания на могиле и свечи: «В похоронном узле вот нижнее белье всё, чулки, трусы, платье необновленное, платочек, тапочки, свечи» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «Узелки смертные заранее готовят. Вот я себе припасла. Ну, кладут белый материал, чтобы покрытие было, чтобы наволочка была белая, ну одежда, платье, или там кальсоны с рубахой, и костюмчик там, рубашка должна у женщин быть, платье, платочек. Всё новое» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Гроб устанавливали на лавке (реже на столе) в переднем углу. Наиболее правильным считается установка лавки под гроб наискосок: «Покойника можно на лавку положить, у кого чего есть. Кладут его ногами на выход, головой вперед. На угол кладут. У нас впереди иконы, так и ставили на иконы. Головой под иконы, чтобы он глядел ногами на

выход» [79 — 3: ЦРФ — 1018]. Голова покойника должна находиться в красном углу: «Гроб стоял в переднем углу, иконы стояли, наискосок гроб стоял» [84 — 3: ЦРФ — 1017]; «Под образа головой класть надо» [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Несмотря на то что сейчас красного угла в избе может и не быть, икону в головах умершего устанавливают всё равно. Покойник обязательно должен лежать ногами к двери: «Гроб как место есть поставят, только ноги все равно к двери» [118 — 3: ЦРФ — 1014]. Считается, что он как бы идет на кладбище: «Ногами вперед. Идти-то как же, вперед ногами» [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «Выносили покойника вперед ногами, ведь он же идет. Вот я, например, встаю на ноги и у меня ноги вперед идут. И ложат вперед ногами, и выносят» [118 — 3: ЦРФ — 1018].

Вероятно, именно после установки гроба родные могли первый раз причитать в голос. К сожалению, в настоящее время нам удалось записать лишь смутное упоминание о том, что «положение во гроб» сопровождалось причитанием: «Когда в гроб-то положат, положат во гроб и причитать начинают, до этого плакали только, а как в гроб положат, так в голос режут» [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Пока покойник находился в доме, над ним постоянно читали псалмы специально нанятые люди, чаще всего набожные старые женщины, не состоящие с покойным в родстве: «Пели — я нанимала бабушек. Унас Тихоновы, они все религиозные, они все ходили по покойникам» [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Для них устанавливали специальный стол, ставили на него укрепленные в банках с пшеном свечи, а также иконы. Псаломщицы читали над покойным, а приходившие с ним проститься приносили и оставляли на столе какую-либо еду: «Дома обязательно поставят пшено и свечки горят. Тут одна, тут одна и тут одна, это пока молятся. Молились над покойником. Ставят стол, там иконка и читают над покойником. И все несут: кто печенье, кто конфеты, кто хлеб, кто лук, кто что» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Эти приношения могли использоваться как плата псаломщицам или для поминального стола: «Здесь уж как договорятся — или им (псаломщицам) дают деньги, или денег немного если, то еду со стола, а если только деньгами, то что принесли на поминки используют» [11 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Баночка с пшеном, в которую вставлялась горящая свечка, должна была находиться в доме до тех пор, пока покойника не уносили на кладбище. После этого пшено выносили за ворота и скармливали птицам. Считается, что птицы поминают покойного: «Ставят пшено, в баночку поллитровую пшена насыпят и свечку ставят, и стоит пока покойник в доме. Это пшено потом на еду не расходуют, птичкам выбрасывают» [84 — 3: ЦРФ — 1017]; «Вот когда покойника вынесут, пшено-то выкидывают птицам. Надо на рассвете пойти за ворота и пшено выкинуть, а птички божие его склюют и помянут покойника» [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В день похорон покойника выносили из дома ногами вперед, опасаясь, что в противном случае умерший будет возвращаться в дом к живым: «Выносили покойника вперед ногами, чтобы не пришел, не возвратился» [84 — 3: ЦРФ — 1017]. Отмечали, что, когда не было машин, гроб несли на холстах: «Раньше не на машине везли, а несли на холстах» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Считали, что умершего должны нести на кладбище люди одного с ним пола. При этом все исполнители указывают, что нельзя было подменять людей, несущих гроб: «От самого дома до самой могилки не надо давать меняться. Если женщина умерла — ее женщины несут, а мужчину — мужчины» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

К сожалению, никто из исполнителей не говорил об отпевании покойника в церкви. Иногда сообщали о заочном отпевании: «Мне ее отпели заочно, принесли венчик» [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Вероятно, подобное выпадение весьма значимой

части похоронного обряда связано с разрушением церковной жизни сельской общины. В традиционной ритуальной практике церковное отпевание являлось чрезвычайно значимой частью похоронного обряда.

Существовал обычай «делать дорогу покойнику». «Дорогу» делали из еловых веток, которые бросали перед гробом: *«Вот гроб выносили и на улице елочки кидали. Эти елочки идут — провожают в дальний путь. У нас клали их как-то так маленько (наискосок)»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

После выноса тела оставшиеся дома люди совершали очистительные обряды. Самым распространенным был обычай мести пол, при котором необходимо было соблюдать меры магической защиты: мести от двери к окну — чтобы в доме не было новых смертей: *«Те, кто дома остается, полы моют и метут от двери»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]; *«Мести надо от двери к окну, а то еще покойник в доме будет, еще кого-нибудь выметешь»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Пол могли не только мести, но и мыть, причем мытье начинали также от порога. Верили, что в таком случае покойник не будет возвращаться домой: *«Оставляли людей, когда покойника выносили, тут моют, подметают,*

«Дорога покойнику», сделанная на кладбище

моют, но мыть начинают от порога, чтобы не приходил покойник» [84 — 3: ЦРФ — 1017]. Помимо собственно уборки существовал обычай переворачивать мебель. Чаще всего перевертывали стол, а также выливали на него стакан воды, наклоняя стол к двери, чтобы покойник не приходил к живым: *«Когда покойника выносили, кто-то дома убирает. Я вот, например, стол переворачивала, когда вот у нас сестренкин муж умер. Вот стоит стакан с водой, его тоже на стол выливают, когда выносят»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Вот стол к двери наклонишь и стакан с водой льешь, вода чтоб к двери лилась, она льется и покойник выходит, больше ходить не будет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Когда гроб с телом покойного выносили из дома, то замечали, какая погода. Если шел дождь или снег, верили, что покойник безгрешный человек и его на тот свет провожают все святые: *«Если в похороны пошел дождик или снег, то это святой человек. Если солнце, то нет. А вот если со снегом*

и с дождем, то там ему будет очень хорошо. Все его святые провожают, так говорят» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Особо значимым событием похоронного обряда считается «первая встреча». Еще Г.К. Завойко писал: «При выносе покойника из дому хлопчут, чтобы "перву встречу" не забыть или "подорожину"... Перву встречу выносит из дому обыкновенно женщина впереди гроба и подает ее первому попавшемуся навстречу мужчине или женщине со словами: "Помяни новопреставленного раба Божия N" (или рабу Божию N, или младенца Божиего N); отказываться от принятия первой встречи никто не должен... Получивший перву встречу может отдать ее потом бедным. Принять перву встречу считается за счастье, так как принявшего встречу на том свете будет встречать первым покойник, от коего перва встреча подавалась; этой встречей... он будет загораживать от плохих путей — от огня, от смолы — и будет постилать ее по пути к местам блаженства»¹.

Практически все исполнители говорят, что «первая встреча» состоит из хлеба, свечки и ткани. Иногда оговаривают, что мужчинам дают полотенце, а женщинам платок: «Первую встречу несут. Обычно дарят полотенце и там батон или булку, хлеб и полотенце — первая встреча» [84 — 3: ЦРФ — 1017]; «Вот когда кто-то на дороге встречается, когда гроб несешь — перва встреча. Здесь отдают. В перву встречу отдаешь — платочек, если женщина, а то кусочек тряпочки» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «Первую встречу заворачивают. Значит, батон или буханку хлеба, свечку обязательно, и новое там полотенце или платок. Или кусок белого материала. И кто первый попадет, тому это всё отдают» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Отмечают, что «первую встречу» можно отдать, если сам не можешь или не умеешь молиться: «Давали первую встречу. Это и теперь дают. Вот в этой первой встрече, вот мне эту перву встречу дали, мне лет наверное семь было, умер мальчик у соседей напротив, а я бежала с горы, на одной ножке прыгала, а они его выносят, Витенька помню был, годика два с половиной что ли было, выносят его, а я бегу, я откуда знала, и они значит мне дали какой-то сверток, я не беру, но мне все равно дали, я пришла домой:

— Мам, — говорю, — мне Спирины чего-то дали.

Развернула, значит с метр белого материала, булка круглая и свечка. Мама говорит:

— Бери, отнеси бабушке, это тебе дали первую встречу, отдай бабушке, бабушка помолится.

Вот я побежала, дала бабушке своей. С тех пор я стала знать, что если несут покойника, то нельзя ходить. А то дадут, а надо молиться за это. За то, что ты взял, надо молиться» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Почти все исполнители говорили, что в настоящее время практически забыты обычаи, связанные с рытьем могилы. Указывали только, что рыть могилу должны чужие люди: «Вот теперь как хошь рой. А раньше, если кто-то из своих умер, не надо своим рыть» [79 — 3: ЦРФ — 1018]. Полагают, что в противном случае в семье может появиться еще один покойник: «Могилу своим рыть нельзя, это ты можешь и себе могилу вырыть, свой покойник тебя утащит. Могилу чужие должны рыть» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Все остальные поверья, связанные с обвалом могилы, ее размерами, заполнением водой и др., если и упоминаются, то лишь как рассказы о событиях, предвещающих некую опасность: «Вот у могилы край обвалился, или вот больше она, чем нужно, не рассчитал кто, какую надо рыть, или вода подступила, всё это нехорошо, а почему — не знаю. Мама всё говорила: "Плохо это"» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

¹ Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. №1—2. С. 94.

Гроб в могилу опускают на холстах, которые передаются из поколения в поколение и используются только на похоронах: *«Гроб опускают на холстах, холсты потом вынимают, несут, стирают. Это специальные холсты — только для покойника»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Покойника на холстах опускают. Холсты вот смотаны стоят, они только для покойника. Вот у меня и маму, и папу, и бабушку, да и пробабушку, наверное, на них опускали»* [101 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Поскольку с кладбища ничего нельзя брать: *«С кладбища ничего брать нельзя, а почему не знаю»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«С кладбища ничего уносить нельзя»* [118 — 3: ЦРФ — 1014], — холсты подвергаются специальным очистительным обрядам: *«Вот холсты с кладбища принесешь, постираешь, и надо обязательно их в проточной воде полоскать, чтобы покойник с собой за холстину других не уволок. А если проточной воды нет, то холсты зимой на снег выкидывают, а летом на росу, чтобы всё на снег и росу ушло, и нового покойника не было»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Покойника опускали в могилу ногами на восток. Считалось, что, когда наступит день Страшного Суда, покойник встанет лицом к солнцу: *«Говорят, что он должен лежать ногами на восток, как солнышко всходит. Страшный Суд начнется, он встанет и прям туда на солнышко. Поэтому и кладут, и несут так»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Вероятно, в момент прощания с покойным присутствующие могли причитать в голос. Как было отмечено выше, похоронные причитания не были зафиксированы, однако многие исполнители упоминают о том, что на протяжении всего похоронного обряда было несколько моментов, когда причитали. Голосили при положении покойника в гроб, затем, пока гроб стоял в доме и с умершим приходили прощаться, далее причитали на кладбище и, наконец, в поминальные дни. Голошение в других случаях

Похоронный холст

не запрещалось, но и не предписывалось традицией. *«Вот на кладбище принесли и пока прощаются, и в могилу опускают, и землю сыпят, можно голосить. Вот режут в голос до тех пор, пока не засыпят гроб, а потом только на девять дней, на сорок дней режут, а так просто плачут. Ну, в голос ведь режут, когда в гроб ложат, пока гроб стоит дома, а после только на кладбище да в помины. Режут только от прощания до того, как засыпят»* [23 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда родственники приглашали людей, которые славились как умелые плакальщики: *«У нас мама любила голосить, и тетка голосила. Ну, причитают все. А некоторые звали маму даже поголосить»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Особенностью причитаний на кладбище было так называемое «передавание приветов». Покойника просили поклониться умершим родственникам, перечисляя их по именам: *«Кто недавно умер из родных, тому привет передавали. Прямо в голос кричали. И слезы льются»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]; *«Вот когда на кладбище режут, приветы передают родне, вот кто умер, вот все говорят, кто*

недавно умер, а вот у нас всех, кого помнят, называют и просят его им поклониться и привет передать» [4 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Сами причитания практически не сохранились, хотя, вероятно, нежелание голосить по просьбе собирателя обусловлено запретами. Один связан с тем, что голошение в неположенное время приведет к появлению нового покойника, а второй — с тем, что неурочное голошение доставляет покойнику неудобства на том свете: «*Я тебе голосить не буду, а то покойника наголошу*» [85 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «*Чего голосить-то так, не помин, не похороны — покойнику тяжело будет на том свете*» [23 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

После того как гроб опустят в могилу, считают необходимым бросить туда монетки, «*чтобы было, чем за место на том свете заплатить*» [4 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], и платки, которыми утирали слезы: «*Вот есть у меня платок, я им утираюсь. Этот платок я и бросаю. Кто денежку бросает, кто-чего. Землю обязательно три горстки бросаю*» [115 — 3: ЦРФ — 1019]; «*А вот те платочки, в которые плачешь, надо в могилку бросать. Слезы чтобы с тобой не были*» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Полагают также, что в могилу нужно бросить длинный кусок материи, который на том свете превратится в ровную дорогу: «*Вот моя тетка, приготовила к смерти двенадцать метров гофрированного такого материала, говорила:*

— *К Иисусу Христу я пойду по ровенькой дорожке.*

Ей прямо туда бросили, чтобы она пошла» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Перед тем как закопают гроб, каждый из участников бросает в могилу по три горсти земли: «*Земличку бросают, по три щепотки.*

— *Царство небесное, — говорят, — вечная память, вечный покой.*

И бросают по три горсточки, это вроде каждый прощается» [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Существовал обычай одаривать ближайших друзей и родственников покойного. Так, например, женщины часто в свой похоронный узел вкладывают двенадцать носовых платков, чтобы родственники после смерти одарили присутствующих на похоронах: «*А когда хоронят женщину, надо двенадцать платочков раздать... Это так повелось. Вот у меня двенадцать белых платочков лежит*» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Крест на могиле устанавливали обычно сразу. Ставили его в ногах покойного: «*У кого есть кресты, ставят сразу, прям закопают и его тут*» [84 — 3: ЦРФ — 1014]; «*Крест в ногах ставят, чтоб покойник на него смотрел*» [36 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

После возвращения с кладбища все садятся за поминальный стол. Полагается поставить на стол стакан с водой, положить кусок подсоленного хлеба и ложку для умершего, душа которого приходит навестить живых: «*Ставят стакан с водой, с водкой и куском хлеба, солят, накрывают. Чуть-чуть кусочек хлеба подсаливают*» [84 — 3: ЦРФ — 1017]; «*Вот когда поминают, стакан с водой ставят, хлеба кусочек ставят, ложку кладут, соль. И оно стоит сорок дней*» [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Считается, что вода с хлебом должны стоять сорок дней, пока душа умершего окончательно не покинет землю.

Порядок блюд на поминальном столе был строго регламентирован и, несмотря на ряд нововведений, сохраняется до настоящего времени. Поминальный стол назывался «горячим обедом» или «горячим помином», и, соответственно, большая часть подаваемых блюд были горячими: «*Поминки — горячий обед у нас называют, приглашают на горячий обед*» [84 — 3: ЦРФ — 1017]; «*Горячее раньше. Горячее самое основное. Горячий помин... Да, раньше было — горячий помин, эта похлебка*» [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Первым блюдом на поминальном столе является кутья, политая сытой: «*В первую очередь делали кутью, это рис варили, потом туда изюму клали и делали сыту. Сыта называлась — мед разводили с водичкой. И это всё поливали. Вот кутью этой сытой поливали.*

Вот есть начинали эту кутью, все по ложке брали. Ее из общей чашки подавали, и каждый брал своей ложкой по ложке. Вот этой кутьей поминали» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «Кутья уж как кутья, она в первую очередь, берешь ее. Это она с истари до сих пор. Самым первым, еще не выпьют, не закусят, ничего — самым первым берут вот эту кутью» [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Затем на стол подавали суп, чаще всего щи. В пост они были грибные, в скоромные дни — с мясом: «Обычно щи варили. Если пост, то с грибами, если не пост, так с мясом. Ну, закуску там какую-то» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда вместо щей подавали окрошку. Была картошка с мясом, а затем на стол выставляли каши, обычно пшеничную и гречневую, а также вареный горох, политый постным маслом: «Окрошка, щи, потом каши две: пшеничную и гречневую, кто делал картошку с подливкой. Если пост, то помажут постным маслом, а если нет — скоромным» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Затем подавали компот со сладкими пирогами, которые всегда делались закрытыми: «Но сладкий пирог должен быть закрытым. Пироги вообще закрытые... Дырочку делают в середине, чтобы он пыхнул чуть-чуть» [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда на стол выставляли и пироги с другими начинками (например, с яйцом и луком, с мясом, с рисом, с грибами и т.д.), но и их тоже делали закрытыми: «У кого блины, а у нас пироги. Закрытые пироги с начинкой» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Завершал поминки кисель. Перед его подачей на стол все участники поминок вставали и пели «Вечную память»: «Пироги с компотом ели, а кисель самый последний. Перед ним вставали, пели "Вечную память"» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Почти в каждом рассказе о поминальном столе говорят о том, что раньше на поминках не употребляли водку. Основным напитком был квас, несколько позже на поминальных столах появилось красное вино: «Раньше вина не было, это теперь все с вином, а раньше вина не ставили на стол. Квас делали, а вина не ставили» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «Раньше только красное давали, а не пили как сейчас» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Надо отметить, что в настоящее время поминальный стол после похорон и поминальные столы на девять, двадцать и сорок дней чаще всего не имеют существенных отличий по набору блюд. Однако некоторые исполнители вспомнили, что отличительной чертой поминального стола на девятый день были блины, а главным блюдом сорокового дня был лапшевник: «Блины пекут на девятый день. А еще лапшенник делали, крахмальный, на сороковой день. Берут сочни пекут из крахмала на молоке, яичко и посолить. Печешь как блины. Особенно в русской печке хорошо, на газу плохо получаются. Напечешь, разложишь, чтобы блин на блин не попал. И потом режешь. Блин складываешь треугольником и режешь лапшу <показывает на листе бумаги>. И потом кладешь в чашку, в черепушку глиняную, заливаешь молоком, нет, яички размокаешь в молоке немножко, потом туда все ложишь, в печку. Горячее вынимаешь, маслом мажешь. Он как каша. Это на сороковой день» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Основными поминальными датами были девять, двадцать, сорок дней и година. Считалось, что на девятый день душа умершего навсегда оставляет дом: «На девятый-то день душа его дом покинет и больше туда не вернется» [63 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

На сороковой день ждали, что покойник постучит в окно и можно будет узнать его судьбу в ином мире: «На сороковой день все говорят стучат в окна, ждут, когда сороковой день покойник придет, постучит» [118 — 3: ЦРФ — 1014]. (Подробнее о являющемся на сороковой день покойнике см. статью «Демонология».)

Если люди по каким-либо причинам не могли устроить поминальный стол, то они подавали тайную милостыню. Этот обычай сохранился до настоящего времени. На сороковой день надо тайно положить на крыльцо соседям кусочек хлеба и луков-

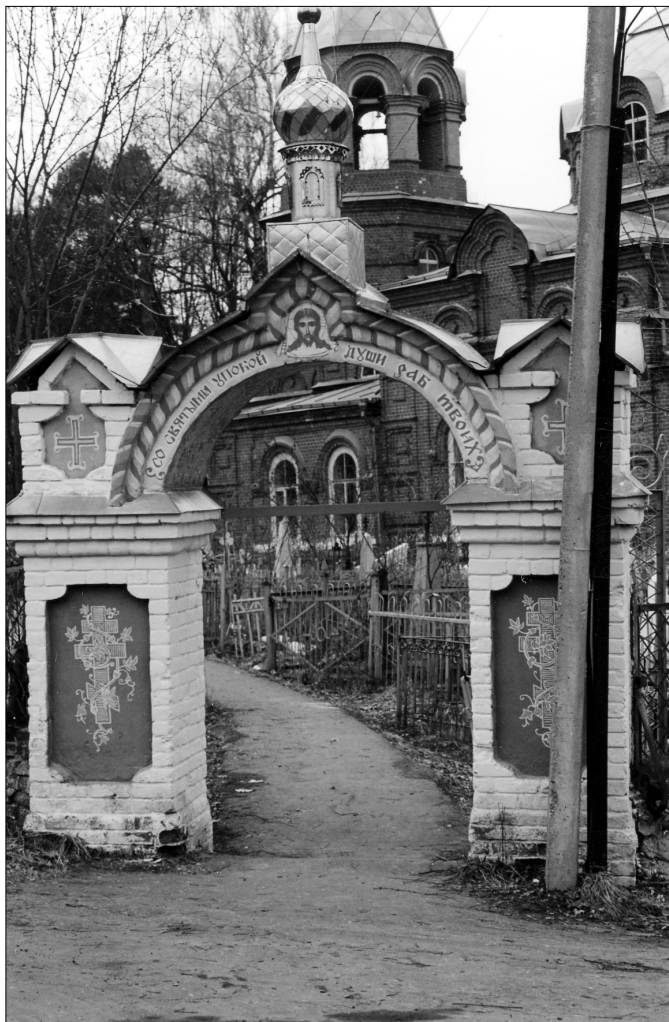
ку. Таких милостыней должно быть сорок: *«Кто поминает, кто нет. Но милостыньку подают. Тайную милостыньку. Сорок милостынек. Кусочек хлеба и луковку. Ночью надо положить, чтобы никто не видел. На сороковой день»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Как было отмечено, обрядовые действия были призваны обезопасить живых людей от покойника. Однако случалось, что по тем или иным причинам покойник появлялся в мире живых. Если по покойнику много плачут, то он может прийти, потому что ему на том свете не уютно: *«Вот когда много по покойнику плачут, он придти может, потому что ему мокро от наших слез на том свете»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Иногда покойник приходит за забытой вещью: *«Вот у нас забыли положить деду нашему кисет, он за кисетом все приходил и просил, пока ему бабка на могилу не отнесла»* [4 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Такие случаи не считаются опасными для жизни родственников умершего, так как покойник прекращает появляться, как только ликвидирован источник его дискомфорта. Совершенно иная ситуация возникает, когда женщина (или, значительно реже, мужчина) чрезмерно, с точки зрения традиции, оплакивает свою утрату. Тогда в образе умершего появляется нечистый дух, избавиться от которого значительно сложнее. От него исходит опасность для живых людей, которых он может «высушить» до смерти (подробнее об этом см. статью «Демонология»).

* * *

Похоронный обряд в Гороховецком районе сохранился в относительно полном виде. Безусловно, в силу разрушения традиции некоторые элементы ритуальной практики исчезли полностью, о некоторых сохранились лишь фрагментарные воспоминания. Однако большинство элементов не только хранится в памяти наших исполнителей, но и бытует сегодня.

Кладбищенские ворота

*В.Е. Добровольская,
А.Г. Кулешов*

Кладбища в традиционной культуре Гороховецкого края

Концепт кладбища в традиционной культуре занимает особое место. Именно поэтому в рамках работы по изучению традиционной культуры Гороховецкого края были обследованы городские и сельские некрополи и записан комплекс суеверных представлений, связанных с ними.

Суеверные представления

Кладбище — обитель умерших

Прежде всего, кладбище воспринимается как место, где пребывают души умерших. По народным представлениям кладбище — это деревня (реже город) мертвых: *«Вот мы в деревне живем, мы живые — в деревне, а как помрем — снесут на кладбище, там наше обиталище будет до Судного дня. Там, значит, деревня мертвых. Живые в деревне живут, а мертвые — на кладбище»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Кладбище осознавалось как особый мир, и поэтому большое значение придавали его границам — воротам и ограде. Ворота были местом контакта с внешним миром. Открытые и закрытые кладбищенские ворота оказывались чрезвычайно значимой приметой: *«Если ворота кладбища открыты — покойника несут; если не несут, а они открыты — жди скорой смерти, кто-нибудь беспременно помрет, а может и не один. Помрет, кого и не ждали»* [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Этим поверьем объясняется запрет проходить в ворота кладбища не в составе похоронной процессии: *«Когда на кладбище помянуть идешь — надо через калитку идти, через ворота только покойника везут, если через ворота — значит, тебя самого скоро повезут»* [84 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Поскольку ворота — часть границы, то они требуют особого ритуального оформления, которое в определенной степени выполняет функцию символической защиты. На той и другой стороне кладбищенских ворот обычно висят образа. В праздники на них, как и на дверях домов, могут быть нарисованы кресты (на Крещение); они могут быть украшены вербой или березовыми ветками (Вербное воскресенье и Троица); на верхнюю перекладину ворот можно класть яйца или яблоки (Пасха и Яблочный Спас). Считается, что в дни поминовения умершие ожидают живых у кладбищенских ворот: *«Когда поминать ходишь — только в калитку, через забор не лазь — родители тебя у ворот ждут»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Верят также, что *«вот кто умер последним — он у ворот сидит всегда, ждет, кто следующий помрет, тогда он уйдет к своей могиле, а тот сидеть будет»* [79 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Гроб и могила — дом умершего

Осознавая кладбище поселением, гроб и могилу воспринимают как дом умершего: «Гроб — это дом, говорим, ведь — домовина. Гроб — дом для покойника» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В силу этого его стараются определенным образом обустроить: «Гроб с разумом надо делать — постоянна хоромина. До Страшного Суда лежать — удобно чтоб было» [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Материалом для гроба могло быть любое дерево, за исключением осины: «Из осины гроб делать нельзя — проклятое дерево, покойник являться будет» [115 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В основном предпочтение отдается дубу и сосне, хотя некоторых покойников считают правильным хоронить в березовых или кленовых гробах: «Так-то гроб лучше из сосны делать, но вот если девка сосватана, померла, то ее невестой хоронить надо — тут уж гроб березовый делали» [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «Вот говорят, что колдунов надо в кленовый гроб класть, а то их черти и после смерти мучить будут, не дадут спокойно лежать. Надо в кленовый гроб класть, а то ходить будет, живых пугать» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Многие жители отмечали, что раньше считалось большим грехом использовать при изготовлении гроба железные гвозди: «Моя бабушка говорила, что гроб гвоздями сколачивать нельзя — покойник не встанет на Суд Божий. Надо доски замком соединять или лыком связать» [5 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Особое внимание уделялось размерам гроба: «Гроб точно по размеру должен быть. Если больше — еще покойник в семье будет, если узок или тесно там — душа покоя не найдет» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В Гороховецком районе существовал запрет родным участвовать в изготовлении гроба: «Нельзя никому из родных гроб делать, а то в семье еще покойники будут» [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Другое объяснение этого запрета гласит, что сам изготовитель гроба умрет: «Если кто из родных гроб делает, то его покойник с собой и заберет» [114 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В то же время существовал обычай делать гроб самостоятельно и заранее. Полагали, что наличие такого гроба обеспечит его хозяину долгую жизнь: «Вот мой дед себе гроб лет в семьдесят сделал и жил потом до девяноста. Все говорили, что он не помирает потому, что гроб себе сам сделал» [5 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Такой гроб обычно оставляли на чердаке и использовали как емкость для хранения яблок или зерна: «В таком гробу обязательно что-то хранить надо, а то в доме покойник появится, пустой если он стоит» [117 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Большое значение придавали щепкам и стружкам, оставшимся от приготовления гроба. Их тщательно собирали и укладывали в гроб. Оставленные стружки «мертвеца притягивают, он за ними ходит, пока не соберет, и живых может за собой увести» [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В соответствии с восприятием гроба как дома его обустроивали и внутри, прежде всего, устраивали в нем «постелью для покойника» [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Вниз клали стружки и солому, затем на них укладывали березовые листья: «В Духов день иду за березками, ломаю, двенадцать святых Апостолов, каждому Апостолу по веничку ломаю, привожу их домой, веники расстилаю в тени. Сорок дней пролежат эти березки, на сорок первый выношу, обрываю каждый листочек, кладу в коробё. Умирает человек... насыпаю в сумку листочков этих... в гроб кладу листочки. В гробу четыре угла, всем четырем Апостолам листочек, мертвому под подушку в наволочку листочек кладу» [51 — 3: ЦРФ — 1031]. Сверху стелят холст, а некоторые исполнители вспоминают, что их родители укладывали и лоскутки от савана: «Моя мама, когда отца хоронили, саван на живую нитку шила, и лоскутья от него в гроб потом ложили» [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Под голову покойнику клали березовый веник и подушку, набитую березовыми листьями или сеном, а некоторые женщины специально собирали все вычесанные за жизнь волосы, и после их смерти подушку набивали ими.

В Гороховецком районе до настоящего времени верят, что умерший сохраняет свои

прижизненные потребности, и поэтому в гроб кладут некоторые особо ценные для покойного вещи: табак — если покойный курил, палку — если хромал, топор — если умерший был плотником, горшок с водой — если покойница была повитухой и т.д. Считается, что если не положить какую-нибудь нужную вещь, то умерший будет беспокоить живых.

Подготовка могилы

Рыть могилу должны были посторонние люди, иначе «*вся родня уйдет в могилу*» [61 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Плохой приметой считалось затопление могилы грунтовыми водами. Предвещал несчастье и обвал могилы: верили, что с той стороны, где обвалилась земля, надо ждать следующего покойника. В могилу бросали предметы, призванные помочь покойнику попасть на тот свет и обезопасить живых: «*Вот как гроб опустят, в могилку-то кидают монетки — чтоб, значит, на том свете себе место выкупил; платочки кидают, которыми слезы вытирают, — чтоб, значит, слезы унес с собой; полотенце — чтоб реку огненную перейти, а если нет полотенца — катушку ниток перекинут через могилу, чтоб по нитке перешел*» [18 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Художественные особенности гороховецких погостов

Обустройству кладбища придавали особое значение. Погосты, находившиеся на специально выделенных для этого территориях (чаще всего рядом с храмами), всегда служили памятниками и материальной, и духовной культуры. Гороховецкие некрополи соединяют в своих мемориальных комплексах произведения разных исторических и художественных эпох и являются важным источником для изучения жизни, быта и нравов здешнего общества. Анализируя отдельные памятники, можно составить представление о многом: о местных вкусах и предпочтениях тем или иным стилевым решениям и формам; о деятельности местных мастерских, работавших в определенных материалах и техниках, социальном составе и сословном соотношении заказчиков-надгробий; о типологии, характерной для их художественного оформления в разные периоды. Памятники гороховецких погостов отличаются многообразием и материалов, и декоративных решений.

Надгробия на городском и наиболее известных сельских кладбищах четко разделяются по времени создания на следующие группы:

1. Единичные образцы надгробий, датированных концом XVIII — серединой XIX в.
2. Массив, состоящий из памятников второй половины XIX — начала XX в.
3. Надгробия советского и постсоветского времени.

Типологические особенности памятников каждой группы соответствуют специфике художественных стилей определенных исторических эпох. Так, надгробия первой группы, включающие стелы классического образца и памятники в форме античных саркофагов, подчинены стилистике классицизма.

Наиболее интересные из них находятся на Вознесенском погосте близ станции Чулково. Один из руинированных известняковых саркофагов, обнаруженных здесь (а их несколько), имеет на лицевой продольной стороне рельефное изображение двух урн, гирлянды и круглого медальона по центру (возможно, содержавшего прежде портретное изображение покойного или покойной). К сожалению, основание саркофага сильно повреждено, и имя погребенного установить не удалось. По довольно характерному

для этого времени оформлению памятник может быть датирован концом XVIII — началом XIX в.

К середине XIX в. относится памятник на могиле подполковника Николая Ивановича Коноплина на том же погосте. Он любопытен своими художественными особенностями и материалом. Надгробие значительно повреждено, но может быть реконструировано. Над литым чугунным основанием в виде усеченной пирамиды, которое хорошо сохранилось, некогда возвышалась объемная классического типа стела из известняка с небольшим фронтоном и акротериями по углам на лицевой и оборотной сторонах. Над стелой поднимался невысокий чугунный крест. На лицевой стороне по основанию данного памятника — четкая надпись, хорошо размещенная и отличающаяся красивым начертанием букв: «Здесь покоится тело подполковника Николая Ивановича Коноплина. Родился 1786 года декабря 7-го, скончался 1856 года июня 15 дня». На оборотной стороне — прекрасно выполненное литое рельефное изображение, представляющее собой графский герб. Это картуш в обрамлении пышного дубового венка, увенчанный рыцарским шлемом. На торцовой стороне основания надпись: «Господи! Прими дух его с миром!» Подобного вида надгробия в последующий период значительно упростились или преобразовались в другой тип.

Из поздних надгробий, относящихся к упрощенному типу стелы, следует назвать надгробие Опаринских на Всехсвятском погосте в Гороховце. Это высокая плита из белого мрамора с черной поновленной надписью — Опаринский. Эпитафия размещается и на самой стеле, и на основании памятника, который когда-то завершался еще и чугунным крестом. Эпитафия гласит: «Здесь погребены гороховецкий мещанин Иван Александрович Опаринский сконч. 19 октября 1895 г. Жития его было 26 л. и 6 мес. и дочь его Праида ск. 31 июля 1896 г. Жила 5 месяцев и 22 дня. В незабвенную память от жены на

Графский герб на чугунном основании надгробия подполковника Н.И. Коноплина. Вознесенский погост близ ст. Чулково. Середина XIX в.

дорогую могилу мужа и дитя». На оборотной стороне памятника — надпись: «Господи! Прими дух их с миром».

Памятники следующей группы в основном находятся в русле так называемых исторических стилей, характерных для второй половины XIX в. (исходят из образцов русского и европейского Средневековья). Одновременно прослеживается и влияние стиля модерн, который на рубеже XIX и XX вв. тоже отдавал дань увлечению древней национальной культурой. Черты «русского стиля» в разных его вариантах в итоге определяют образ многих гороховецких надгробий данного периода.

Типологически памятники второй хронологической группы состоят из нескольких разновидностей:

— увенчанный крестом каменный блок прямоугольной формы, стилизованный как придорожная часовенка-«голбец», с эпитафией на лицевой стороне или в основании. На лицевой стороне такого надгробия в специальном углублении могла укрепляться иконка из разных материалов, на оборотной стороне часто размещалось рельефное изображение Голгофского Креста и орудий Страстей Господних (губки и копья);

Рельефное изображение Голгофского Креста и орудий Страстей Господних на известняковом надгробии Иоанна и Вассы. Вознесенский погост близ ст. Чулково. Середина XIX в.

— литые чугунные памятники, в которых внутренняя часть оставалась свободной и воспринималась как сень для хранения иконы или распятия;

— высокий крест на четырехгранном пьедестале с эпитафией на основной стороне;

— немногочисленные надгробия священнослужителей, имеющие скульптурное оформление: тумба-«аналой» со спадающим платом и раскрытым Евангелием.

К ранним образцам надгробий типа часовенка-«голбец», который был довольно распространен во второй половине XIX в., относится памятник Иоанну и Вассе на Вознесенском погосте близ станции Чулково. Памятник относится к 50-м годам XIX в. Выполнен из белого известняка и отличается высоким качеством художественного исполнения. Над гладким основанием возвышается четырехгранный объем с арочными нишами на лицевой и оборотной сторонах. На лицевой, хуже сохранившейся и выполненной более сдержанно, помещена эпитафия: *«Упокой, Господи, души раб Твоих, Иоанна, Вассы»*, на оборотной — орудия Страстей Господних, кото-

рые располагаются по сторонам от Голгофского Креста, возвышающегося над могилой Адама. Это изображение выполнено в низком рельефе, но очень тщательно. Еще более тщательна резьба витых колонок и тройного орнаментального архивольты арки, а также оформление кровли в виде фронтона с акротериями по углам. Ступенчатый объем перекрытия «часовенки» служил прежде основанием для чугунного креста (как и во многих других памятниках; в данном случае он был утрачен). Эта сторона надгробия, по существу, воспринимается как главная: таково ее символическое содержание. Голгофский Крест с орудиями Страстей служил символом искупления грехов человеческих и воскрешения из мертвых. Кровь Христа, пролитая на череп Адама, воспринималась людьми как знак жертвенной его смерти и вечной жизни.

Более поздними примерами надгробий того же типа может быть памятник из белого мрамора Анастасии Ермолаевне Ермолаевой на Всехсвятском погосте в Гороховце (вторая половина XIX в.) и мраморный на чугунном постаменте памятник Дмитрию Ивановичу Мишатину на Вознесенском погосте (он датируется уже началом XX в.). Последний отличается большей стилизованностью и связан, скорее, со спецификой модерна. На лицевой его стороне под сенью арочного обрамления находится довольно большое углубление для иконки (возможно, мраморной или керамической).

Надгробия, полностью выполненные из литого чугуна (что свидетельствует о высоком уровне развития металлообработки в этом районе), связаны уже с поздним периодом, концом XIX — началом XX в. Они встречаются в основном на Всехсвятском кладбище, ведь только в городе и могла находиться мастерская, занимавшаяся сложными работами. Вероятнее всего, она существовала на базе местного судостроительного завода. Показательны в этом плане памятник Прасковье Николаевне Каузиной, выполненный в «русском стиле» в начале XX в., а также анонимный памятник этого же времени в готическом стиле.

В надгробии Каузиной постройка «сень», являющаяся основанием креста, находится на высоком постаменте, где размещена эпитафия. К постаменту подводят три большие чугунные ступени. Внутреннее пространство, кажущееся здесь подобием подкупольного, забрано решетками, словно это окна настоящего храма.

Анонимное надгробие в готическом стиле не менее интересно и характерно для эпохи эклектики и модерна. Оно имеет чешуйчатый высокий гребень кровли, как в архитектурных постройках «русского стиля» (их довольно много в Гороховце). Однако эта кровля неожиданно сочетается здесь с типично готическим по

Чугунная «сень» на могиле П.В. Каузиной. Всехсвятский погост Гороховца. Начало XIX в.

духу сооружением самой «сени», которая имеет стрельчатые перспективные арки, имитирующие порталы храма. Она открыта внутри и, по-видимому, использовалась для свечей и распятия. Креста, служившего обычным завершением надгробий, данный памятник явно не имел. На основной стороне над аркой помещен медальон с изображением Христа, на другой стороне — медальон с изображением Богоматери. Это по сути развитие надгробий первого типа («часовенки»). Стилизация постройки, которую мы встречали в камне, при использовании литого чугуна превращается в объемное сооружение — «сень», воздвигнутую над святыней.

Третий тип распространенных во второй половине XIX — начале XX в. надгробий — высокий литой чугунный или кованый железный крест на четырехгранном каменном, а иногда чугунном основании. На нем располагалась эпитафия. Надписи придавалось в данном случае еще большее значение, чем прежде. Иногда она превращалась в довольно сложный текст, повествующий о добродетелях покойного и скорби близких. Функциональность и репрезентативность этого типа надгробий вскоре выдвинули его в первый ряд. Вместе с решетчатой оградой памятник составлял теперь целый комплекс, оформлявший порой довольно большой семейный участок. Наиболее прочным материалом считался литой чугун, но и твердый камень (в основном гранит) в сочетании с металлом тоже оказывался надежным и красивым. Непрочный, но более дешевый известняк в качестве основания таких надгробий использовали редко. Акцент в художественном решении всегда приходился на металлический, высоко поднятый крест: он был смысловой основой памятника. К сожалению, большая часть таких крестов была в послереволюционное время сбита, но те, что сохранились (даже фрагментарно), свидетельствуют о высоком искусстве местных мастеров, их вкусе и чувстве материала.

Примеров надгробий третьего типа довольно много. Из образцов, полностью выполненных в металле, можно назвать три надгробия на Всехсвятском погосте Гороховца. Это памятник Якову Стефановичу Севунову с чугунным основанием и литым, сложного рисунка, крестом, а также находящиеся на соседнем с ним участке два безымянных памятника: один — с литым ажурным крестом, в ячейках которого многократно повторяются равносторонние кресты, и второй — кованый металлический на чугунном основании. Близко этим памятникам и надгробие Вьюшкова на Вознесенском погосте близ станции Чулково. Оно тоже имеет чугунный постамент-основание и ажурный литой крест со сложным плетением, напоминающий произведения романского искусства. Все эти памятники относятся к концу XIX в., что подтверждают и сохранившиеся надписи (дата смерти Севунова — 1898 г.). Интересна эпитафия на памятнике Вьюшкова. Она характерна для своего времени. Текст эпитафии следующий: *«Под сим крестом покоится тело... Вьюшкова... Род. 1835...*

*Прощай, дорогой незабвенный родитель. // Ты скрылся от нас во святую обитель.
Дорогому отцу от благодарных детей.
Вечная память».*

Из надгробий, имеющих гранитный постамент, выделим памятник вдове священника Надежде Павловне Никольской на Вознесенском погосте, умершей 28 октября 1908 г. Красивы не только постамент несохранившегося креста из полированного розового гранита с аккуратно выбитой на нем надписью, но и кованая ограда в стиле модерн, обрамляющая данный участок. Она является замечательным художественным произведением этого периода. Мотив спадающей ленты с извивающимися концами гармонично сочетается с изогнутыми ветками лавра. Они вплетаются через определенные интервалы в мерный, четкий ряд заостренных сверху вертикальных прутьев.

Особую, хотя и очень немногочисленную, четвертую разновидность памятников второй половины XIX — начала XX в. составляют надгробия священнослужителей. Они, как правило, выполнены из мрамора и имеют рельефную резьбу, немного обобщенную в своих формах, но достаточно выразительную. Каменный блок как бы повторяет своими очертаниями тумбу-аналой, с которой красивыми крупными складками спадает тяжелый атласный плат. На аналой с небольшим наклоном возложено раскрытое Евангелие, словно действие происходит во время службы в храме. Именно такой вид имеют надгробия протоиерея Андрея Иоанновича Богословского на Всехсвятском погосте (сконч. 10 августа 1894 г.) и протоиерея Андрея Павловича Бережкова на погосте в селе Фоминки. К этой же группе скульптурных надгробий принадлежит и еще один памятник конца XIX в. на том же погосте в Фоминках: плита из мраморовидного известняка с рельефным изображением скорбящей женской фигуры в покрывале. Она держит крест над аналоем с Евангелием. Плита с начертанной на ней эпитафией не сохранилась, т. к. памятник получил в дальнейшем вторичное использование.

Характерной для местной традиции особенностью является частое использование рельефно обработанного известняка, чугунного литья и кованого металла. Привозной камень, гранит и мрамор, которые, в частности, встречаются в надгробиях дворян и священников, нередко для этих мест и свидетельствуют о состоятельности разных слоев здешнего общества. Богатые люди были здесь не только в среде купцов, но и в среде мещан, даже крестьян, успешно занимавшихся торговлей и ремеслом. Из характерных крестьянских надгробий можно отметить известняковую плиту Анне Жуловой на погосте в Фоминках, надпись на которой выполнена со значительными огрехами.

Изучение гороховецких надгробий позволяет оценить работу двух-трех местных мастерских, как по обработке камня, так и по обработке металла. Ажурные литые и кованые кресты, цельные литые памятники из чугуна с художественно выполненными деталями свидетельствуют о высоком уровне мастерства и давних традициях обработки металла в этих краях. Это дополняет те сведения, которые дает изучение других памятников материальной и художественной культуры.

Довольно мягкий известняк обрабатывался примерно так же, как

Литой чугунный крест на чугунном основании с эпитафией на могиле Я.С. Севунова. Всехсвятский погост Гороховца. Конец XIX в.

и дерево. А искусством резьбы по дереву в Гороховецком крае, как известно, владели в совершенстве. Мы не имеем возможности проследить использование дерева в надгробных памятниках двух первых групп (дерево, даже при соответствующей обработке, — материал недолговечный), однако предполагать его применение вполне закономерно.

Следует отметить, что надгробия начала и середины XIX в. принадлежат преимущественно дворянам. Памятники второй половины XIX и начала XX в. относятся к захоронениям людей разных сословий: дворянства, купечества, мещанства и зажиточного крестьянства.

Памятники в виде часовенки с крестом наверху, имеющие более сложное символическое содержание, вероятнее всего, были связаны с просвещенными слоями здешнего общества (с дворянством и образованным купечеством, многие представители которого были старообрядцами). Имевшие определенную художественную ценность изображения Христа и Богородицы на вставных иконках (каменных, керамических, мозаичных или живописных, помещенных под стекло), рельефные изображения с Голгофским Крестом и атрибутами

Страстей Господних на этих надгробиях требовали не только больших средств, но и большой осведомленности в области религии. То же можно сказать и о надгробиях в виде чугунной «сени». Более распространенной поэтому оказалась другая типологическая разновидность гороховецких надгробий — крест на четырехгранном основании с эпитафией. Этот вариант использовали и купцы, и мещане, и богатые крестьяне.

Памятники советского и постсоветского периодов также имеют несколько разновидностей:

— обелиски, увенчанные звездой или крестом, с фотопортретом и эпитафией;

— стелы (прямоугольные со скошенным верхним краем или прямоугольные правильной формы) с крестом, звездой или фотопортретом;

— крест, укрепленный на основании, с эпитафией.

Материалы: камень, бетон, сварной металл, изредка дерево.

Несмотря на характерное для этого времени однообразие (унифицированность художественных решений и надписей), среди этих па-

Мраморное скульптурное надгробие протоиерея А. И. Богословского с изображением аналога с раскрытым Евангелием. Всехсвятский погост Гороховца. Конец XIX в.

мятников тоже встречаются оригинальные образцы. Они связаны с профессиональной работой в металле, прежде всего, с литьем и ковкой. Ажурные кресты и решетки порой отличаются затейливостью и мастерством исполнения. Примером может быть кованый крест на могиле Е.Ф. Шаплиной на Всехсвятском погосте (конец 80-х годов XX в.).

Искусство художественной обработки металла продолжает существовать в Гороховецком крае, хотя массовый материал свидетельствует о недостатке вкуса и индивидуальности у современных заказчиков: использование одних и тех же трафаретов при создании памятника, грубоватая упрощенность или, наоборот, несоразмерная перегруженность и стереотипность эпитафий.

Памятники современной типологии в большом количестве представлены и на Всехсвятском погосте, и на новом кладбище в Гороховце. Изредка встречаются памятники, в которых используются элементы старых надгробий. Анализ используемых в настоящее время частей старых монументов позволяет реконструировать несохранившиеся элементы руинированных надгробий, имеющих художественную и историческую ценность.

Эпитафии

Надписи, которыми снабжены памятники, чрезвычайно разнообразны. Они могут представлять собой простую констатацию фактов (рождение — смерть) или рассказывать о человеческих качествах покойного и о чувствах живых. Большинство дореволюционных памятников содержит надписи с двух сторон монумента. Так, например, белое каменное надгробие на старом кладбище Гороховца имеет на фасаде следующую надпись: «Здесь погребено тело гороховецкого мещанина Николая Ивановича Карликова. род. 27 июля 1827 г. сконч. 23 октября 1892 г. Жития его было 64 г. 2 м. 26 д.», а на обороте расположена стихотворная надпись: «Покойся прах души бесценной // Под сенью обители святой, // Ударит час конца вселенной, // И мы увидимся с тобой». Нижняя часть фасада украшена еще одной надписью: «Великому попечителю обо мне и моих детях любимого брата Константина и любимому брату подарок /его уж нет и вот могила, молюсь и плачу о тебе. Я и моя семья». Надписей такого рода довольно много.

На современных памятниках текст располагается только на одной стороне, что объясняется местными жителями следующим образом: «Ране везде писали, вот погляди — весь камень исписан. Нечистого боялись — от него буковки и защищали, а сейчас для людей пишут, чтоб знали — кто тут лежит. Раньше — раб Божий лежит, чтоб душу никто не беспокоил — напишут со всех сторон, а сейчас с лица только — для людей» [11 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Надписи на современных памятниках содержат по преимуществу сведения об имени, отчестве и фамилии умершего, дате его рождения и смерти. Иногда внизу памятника помещены следующие слова: «Помним, скорбим, любим», «Дорогому мужу и папе от жены и детей», «Ты вечно будешь жить в наших сердцах». Реже встречаются развернутые эпитафии: «Нашу скорбь не измерить, // наших слез не излить // Мы тебя как живую // Будем вечно любить»; «Твои заслуги помнит Родина. Твою любовь помнит жена. Твою заботу помнят дети»; «Из жизни ты ушел мгновенно, но боль и память нам оставил навсегда»; «Подобно жаркому костру, // Что не пылает бесконечно, // Угас и ты, но только знай — // Для нас гореть ты будешь вечно».

Нормы поведения на кладбище

Народная традиция выработала целый ряд поведенческих норм, которые помогают живым безопасно вступать в контакт с миром мертвых. Считается, что кладбище обязательно надо посещать «на Мясопустной неделе, на Масленой, на Фомину неделю во вторник, на Троицу, на годовщину смерти» [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Местные жители верят, что именно в эти дни умершие ждут прихода живых: «На Фоминой с яичком приходим — христосуемся с покойником, а на Масленой — блинком поминём. Покойник, он ждет, кто придет к нему» [18 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Существует запрет посещать кладбище и поминать покойного в день его рождения: «Покойника в день рождения не поминают, на кладбище не ходят и за столом не поминают — он являться начнет» [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Для того чтобы покойник не беспокоил живых, существуют нормы, строго регламентирующие поведение на кладбище. Широко распространен запрет уносить что-либо с кладбища: «С кладбища ничего уносить нельзя, а то покойник являться будет» [106 — 3: ЦРФ — 1022]. Исключение составляли лопаты, которыми рыли могилы, и холсты, на которых опускали гроб, но и их приносили домой после совершения определенных очистительных обрядов: «Лопаты, которыми могилу копают — сразу в дом не несут, они на кладбище должны полежать, три ночи лежат, на них три росы выпадет — тогда приносят домой, а то так и будешь могилы рыть, пока вся семья не помрет — если вот их сразу принесешь» [36 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «Холсты забирают с кладбища, но сразу стирают и на росу на ночь выкладывают, чтоб роса на них выпала, или обязательно в проточной воде полощут, а то покойники новые будут» [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Существуют и другие правила. Так, идя на кладбище, лучше всего никого не встречать, а если встретил — не здороваться: «Идешь на кладбище — не здоровайся со встречными, а то здоровье свое отдашь» [18 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Когда возвращаешься с кладбища — не надо оглядываться, «а то покойник за тобой уйдет, являться станет» [5 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Когда уходят с кладбища, кланяются могиле и говорят: «Прощайте!», в противном случае «сам покойником скоро будешь, если "до свидания" скажешь» [36 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Проходя мимо кладбища, надо трижды поклониться; если мимо кладбища проходит дорога из церкви, то возвращающиеся от венца молодые должны пройти, а не проехать мимо него. Такое же правило распространяется на людей, возвращающихся с крещения.

Особые правила существовали для родственников умершего. Так, никто из семьи покойного в день похорон не должен был первым переступить границу кладбища, «а то еще покойники будут» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Если женщина беременна, то ей нельзя приходить на кладбище — «дítě умрет». Если умирал первый ребенок, то мать не должна была его хоронить, «чтобы еще раз родить, а то не разродится» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Большинство из приведенных в статье запретов и поведенческих норм неукоснительно соблюдаются и в настоящее время. Лишь немногие (прежде всего, связанные с изготовлением гроба и отчасти с его обустройством, а также суеверные представления о кладбищенских воротах) сохранились в памяти только пожилых исполнителей.